ВЛАДИМІРЪ КАЧАНОВСКІЙ.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ

ПУШКИНЪ,

КАКЪ

ВОСПИТАТЕЛЬ РУССКАГО ОБЩЕСТВА.

«Я принадлежу странѣ и хочу, чтобы имя мое было чисто вездѣ, гдѣ оно извѣстно» (Пушк.).

(Оттискъ изъ I кн «Вѣстникъ Славянства». 1888 г.).

КАЗАНЬ.
Типографія ИМПЕРАТОРСКАГО Университета.
Черноозерская улица, собственный домъ.
1888.

По опредѣленію историко-филологическаго факультета Императорскаго казанскаго университета печатать разрѣшается.

Деканъ *Д. Бѣляевъ.*

«Бѣда, кто въ свѣтъ рожденъ съ чувствительной душой,
Кто тайно могъ плѣнить красавицъ нѣжной лирой,
Кто смѣло просвисталъ шутливою сатирой,
Кто выражается правдивымъ языкомъ,
И русской глупости не хочетъ бить челомъ!
Онъ врагъ отечества, онъ сѣятель разврата,
И рѣчи сыплются дождемъ на супостата»
(Соч. Пушкина, «Къ Жуковскому»)

«Я принадлежу странѣ и хочу, чтобы имя мое было чисто вездѣ, гдѣ оно извѣстно» (Пушк.) [1].

Всякій изъ васъ, отправляясь въ это собраніе, имѣлъ въ виду исполнить священную обязанность — выразить уваженіе къ незабвенному нашему А. С. Пушкину, который отошелъ въ вѣчность въ 1837 г. 29 января, въ пятницу, въ три четверти третьяго часа по полудни, котораго жизнь и смерть, говоря словами ученой пріятельницы его, Жуковскаго и Гоголя Е. М. Хитровой, представляютъ неизмѣримо много „раздирающе-поэтическаго“. Каждаго изъ васъ, несомнѣнно, въ высшей степени гармоническій звучный стихъ А. С. Пушкина, естественность, простота и обаятельная художественность его твореній, въ чисто-русскомъ духѣ поражали, восхищали и доставляли всѣмъ невыразимое эстетическое наслажденіе. Поэтому, всякій изъ васъ, къ какому бы поколѣнію ни принадлежалъ, долженъ сказать: „*на Пушкинѣ я воспитывался, или воспитываюсь*“.

Съ этой точки зрѣнія я и взгляну на нашего геніальнаго поэта. Я постараюсь представить вамъ А. С. Пушкина, какъ воспи-

[1]) Статья эта предназначалась къ чтенію въ собраніи Казанскаго университета 29 янв. 1887 г.

тателя русскаго общества, способствовавшаго развитію общественнаго самосознанія, съ особенною любовью всегда относившагося къ дѣтямъ, какъ натурамъ впечатлительнымъ [1]) и уважавшаго мнѣніе опытныхъ безпристрастныхъ судей [2]).

Припомнимъ лишь тотъ одинъ многознаменательный фактъ изъ жизни нашего геніальнаго поэта, какъ онъ, получивъ въ отвѣтъ на свое стихотвореніе, полное горя и отчаянья (написанное имъ въ день своего рожденія 28 мая 1828 г.):

«Даръ напрасный, даръ случайный,
Жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана?
Иль зачѣмъ судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?
Кто меня враждебною властью
Изъ ничтожества воззвалъ,
Дуну мнѣ наполнилъ страстью,
Умъ сомнѣньемъ взволновалъ?....
Цѣли нѣтъ передо мною:
Сердце пусто, праздненъ умъ,
И томитъ меня тоскою
Однозвучный жизни шумъ» [3]),

отъ московскаго митрополита Филарета слѣдующее, полное участія поученіе:

«Не напрасно, не случайно
Жизнь отъ Бога мнѣ дана;
Не безъ воли Бога тайной
И на казнь осуждена.
Самъ я своенравной властью
Зло изъ темныхъ безднъ воззвалъ,
Самъ наполнилъ душу страстью
Умъ сомнѣньемъ взволновалъ.
Вспомнись мнѣ, забвенный мною,
Просіяй сквозь сумракъ думъ!
И созиждется Тобою
Сердце чисто, свѣтелъ умъ!» [4]),

---

[1]) Срв заявленіе князя П. П. Вяземскаго въ статьѣ «А. С. Пушкинъ (1816—1837). По документамъ Остафьевскаго архива и личнымъ воспоминаніямъ» (Рус. Архивъ. 1884, стр. 417).

[2]) Благодаря указанію канцлера князя А. М. Горчакова, Пушкинъ въ сценѣ между Пименомъ и Григоріемъ «Бориса Годунова» уничтожилъ первоначальную «изысканную грубость» (Рус. Арх. 1883. т. 2, стр. 205—6. — «Канцлеръ князь Горчаковъ о Пушкинѣ» князя *Урусова*).

[3]) Напечатано впервые въ журн. «Сѣверные Цвѣты» 1830 г.

[4]) Напечатано впервые въ прибавленіи къ № 155 «Москов. Вѣдомостей» за 1880 г. (Открытіе памятника Пушкину 6 іюня 1880).

пишетъ ему извѣстные стансы, въ которыхъ читаемъ:

«И нынѣ съ высоты духовной
Мнѣ руку простираешь ты,
И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйные мечты.
Твоимъ огнемъ душа согрѣта,
Отвергла мракъ земныхъ суетъ,
И внемлетъ арфѣ Филарета
Въ священномъ ужасѣ поэтъ» [1])

„Внемлетъ“ поэтъ, сказавшій о самомъ себѣ:

«Пока не требуетъ поэта
Къ священной жертвѣ Аполлонъ,
Въ забавахъ суетнаго свѣта
Онъ малодушно погруженъ;
Молчитъ его святая лира,
Душа вкушаетъ хладный сонъ,
И межъ дѣтей ничтожныхъ міра,
Быть можетъ, всѣхъ ничтожный онъ»...

Правильная оцѣнка всякаго дѣятеля возможна при одномъ необходимомъ условіи—если будетъ извѣстно состояніе того общества, изъ среды коего вышелъ дѣятель. Каково же было русское общество, давшее русскому народу А. С. Пушкина?

Прекрасную характеристику этого общества мы находимъ въ слѣдующихъ словахъ одного письма Евгенія Болховитинова: „Вы все дожидаетесь открытія харьковскаго университета, но и открытые едва дышатъ о сю пору. *Ни учить, ни учиться не кому.* Посудите, у насъ въ модѣ записывать дѣтей на службу съ 15 лѣтъ, а университетскій курсъ наукъ самъ по себѣ требуетъ лѣтъ десяти продолженія (т. е. съ приготовительнымъ ученіемъ). Ктожъ будетъ дожидаться конца его? Науки мысленныя у насъ еще не въ модѣ и т. д.“ (Русс. Архивъ, 1870 стр. 838). (Припомнимъ, что и нашъ Пушкинъ, имѣя семнадцать лѣтъ отъ роду, состоялъ уже на государственной службѣ).

Подобный отзывъ русскаго о русскомъ обществѣ начала текущаго столѣтія даетъ намъ право съ большимъ или меньшимъ довѣріемъ отнестись къ слѣдующему свидѣтельству иностранки Сталь: „Большая часть русскихъ аристократовъ говоритъ такъ красиво и съ такимъ приличіемъ, что на первый разъ часто впадаешь въ иллю-

[1]) По исправленному Г. С. Чириковымъ тексту (См. Замѣтки на новое изданіе сочиненій Пушкина—Ефремова 1880 въ Рус. Арх. за 1881 г., стр. 205—206).

зію относительно степени ума и знаній у людей, съ которыми говоришь. Начало почти всегда показываетъ умнаго человѣка или умную женщину, но въ заключеніе иногда только и находишь одно начало. Въ Россіи не привыкли говорить отъ глубины души или ума....

„Образованность распространена еще мало для того, чтобы могло составиться общественное мнѣніе, образуемое мнѣніями каждаго отдѣльнаго лица. У русскихъ слишкомъ увлекающійся характеръ, чтобы они могли любить *идеи*, а особенно идеи отвлеченныя: ихъ занимаютъ только *факты*; у нихъ еще нѣтъ ни времени, ни вкуса на то, чтобы переводить эти факты въ общія понятія....

„Восточное молчаніе превратилось у русскихъ въ любезныя слова; но эти слова, обыкновенно, не проникаютъ до сущности вещей. На минуту можно почувствовать себя хорошо въ этой блестящей атмосферѣ, которая пріятно развлекаетъ; но въ концѣ концовъ въ ней нельзя ничему научиться, нельзя развивать своихъ способностей, и люди, проводящіе время такимъ образомъ, не пріобрѣтаютъ никакой способности ни къ умственному труду, ни къ дѣламъ".

Эту наблюдательную иностранку поразило то обстоятельство, что „дворяне служатъ", не успѣвши получить никакого правильнаго образованія, что всѣ дворяне, обыкновенно, поступаютъ въ военную службу; ихъ „образованіе кончается въ 15 лѣтъ".

Въ обществѣ „большого свѣта", большихъ домовъ Петербурга „не можетъ быть рѣчи о какомъ-нибудь серьезномъ разговорѣ (entretien suivi); въ такомъ обществѣ образованіе ни къ чему не понадобится; когда кто-нибудь желаетъ собрать у себя большое общество, то увеселенія составляютъ вообще единственный способъ предупредить скуку, какую всегда производитъ въ салонахъ толпа".

Нравы—продолжаетъ она—съ прошлаго столѣтія улучшились, подъ вліяніемъ новаго двора, „но и въ этомъ отношеніи, какъ во многихъ другихъ, принципы нравственности не установились хорошенько въ головахъ русскихъ. .."

При всемъ томъ, г-жа Сталь признаетъ, что „у націи есть энергія и величіе...." (А. Н. Пыпинъ, Историческіе Очерки. Общ. движеніе при Александрѣ I, стр. 292—293).

Комментаріемъ къ этому свидѣтельству можетъ служить слѣдующее заявленіе пріятельницы Пушкина С. М. Хитровой въ письмѣ къ князю П. А. Вяземскому отъ 1831 г.: „въ то время, въ которое намъ приходится жить, и среди той драмы, которая разыгрывается около насъ, можно выносить только одну порочную фран-

цузскую литературу“ [1]), и равно слова самого Пушкина, сказанныя князю П. П. Вяземскому: „Все что̀ вы можете пріобрѣсти въ университетѣ—это то, что вы свыкнитесь жить съ людьми, и это много. Если вы такъ смотрите на вещи, то поступайте въ университетъ; но едва ли вы въ томъ не раскаетесь“ (Рус. Арх 1884. 428).

Что подобные отзывы о русскомъ обществѣ начала текущаго столѣтія вполнѣ вѣрны, мы убѣждаемся изъ слѣдующихъ фактовъ. Довольно распространенный въ тогдашней публикѣ журналъ „Русскій Вѣстникъ“, издававшійся подъ редакціей Глинки, предлагалъ своимъ читателямъ сравненіе „Кормчей“ книги съ Солономъ, Шатобріаномъ и Монтескьё, предлагалъ сравненіе мнѣній боярина Матвѣева съ философіей Локка. Людей, заботившихся о распространеніи истиннаго просвѣщенія на св. Руси, какъ издателя журнала „Московскій Меркурій“ Макарова и редактора журнала „Вѣстникъ Европы“ проф. М. Т. Каченовскаго упрекали, послѣ сожженія Москвы французами, въ томъ, что они будто бы желали обращенія Москвы и другихъ городовъ въ пепелъ. Журналы за 1813 годъ жаловались, что „ненависть къ французамъ проходитъ, что ихъ опять принимаютъ въ гувернеры, что барышни уже собирались выходить замужъ за французовъ“; „Сынъ Отечества“ простодушно заявлялъ: „Какъ будто въ поруганіе старинным обычаямъ нашимъ, купечество, не брѣющее бородъ, начало носить родъ французскихъ длинныхъ сертуковъ, съ отложнымъ какимъ-то воротникомъ.... думая, можетъ быть, новымъ симъ одѣяніемъ приблизиться къ обычаямъ образованныхъ народовъ“ (1813 г. № VI) и т. п. А ученый предсѣдатель Московскаго Общества Любителей Росс. Словесности извѣстный критикъ Мерзляковъ въ 1819 г.—когда русскій стихъ А. С. Пушкина уже обратилъ вниманіе немногихъ—въ торжественномъ засѣданіи этого Общества проповѣдывалъ: „Почтенные мужи!... Птичка паучила человѣка радоваться и воспѣвать свою радость.... Пусть на цвѣтущемъ полѣ нашей словесности рѣзвятся въ разновидныхъ группахъ Амуры, Зефиры и Фавны“.

Вотъ, въ какомъ положеніи было общественное самосознаніе!

А. С. Пушкинъ съ натуры схватилъ типъ современнаго ему образованнаго русскаго человѣка и охарактеризовалъ его слѣдующими стихами въ „Евгеніи Онѣгинѣ“.

Этотъ образованный, современный нашему геніальному поэту русскій человѣкъ оставилъ въ своей библіотекѣ:

«Пѣвца Гяура и Жуана,
Да съ нимъ еще два-три романа,

[1]) Рус. Арх. 1884. стр. 418.

Въ которыхъ отразился вѣкъ,
И современный человѣкъ
Изображенъ довольно вѣрно:
Съ его безнравственной душой,
Себялюбивой и сухой,
Мечтанью преданной безмѣрно,
Съ его озлобленнымъ умомъ,
Кипящимъ въ дѣйствіи пустомъ».

Вотъ, какъ ничтоженъ онъ!

Въ виду подобныхъ фактовъ, кто можетъ сомнѣваться и въ справедливости слѣдующихъ словъ А. С. Пушкина въ письмѣ къ П. Я. Чаадаеву, отъ 19 октября 1836 г.: „Наша общественная жизнь весьма печальна. Это отсутствіе общественнаго мнѣнія, это равнодушіе ко всякому долгу, къ справедливости и правдѣ, это циническое презрѣніе къ мысли и къ человѣческому достоинству дѣйствительно приводитъ въ отчаяніе“ (Рус. Арх. 1884 г. т. 2. стр. 457).

Тѣсныя рамки моего чтенія не дозволяютъ дольше останавливаться на этомъ любопытномъ вопросѣ. Я принужденъ перейти къ вопросу: въ какія отношенія къ этому обществу былъ поставленъ А. С. Пушкинъ?

Какъ извѣстно, очень рано составилась слава А. С. Пушкина, какъ поэта; но онъ, однако, очень боялся въ обществѣ званія поэта. Одинъ неизвѣстный пока по имени современникъ А. С. Пушкина въ своихъ „Запискахъ“ о А. С. Пушкинѣ выразился: „Пушкинъ былъ первымъ поэтомъ своего времени и первымъ шалуномъ“ (Русск. Старина, 1874. X.). Да, А. С. Пушкинъ былъ шалунъ въ духѣ того общества, изъ среды коего онъ вышелъ. Такъ, однажды, замѣтивъ привычку одной дамы сбрасывать съ ногъ башмаки за столомъ, А. С. Пушкинъ осторожно похитилъ ихъ и привелъ въ большое замѣшательство красивую владѣлицу ихъ, которая выпуталась, однакожъ, съ великимъ присутствіемъ духа“ (Анненковъ, Матеріалы для біографіи А. С. Пушкина, 1-ое изд., стр. 87 въ сноскѣ). Въ другой разъ „нашъ поэтъ“, разсказываетъ его братъ въ своей „запискѣ“, „оскорбясь замѣчаніемъ одной женщины, потребовалъ отчета у ея мужа и на немъ вымѣстилъ обиду“ (ibid.).

Какимъ же являлся нашъ поэтъ въ этомъ обществѣ? Какъ и что онъ говорилъ?

„Въ спокойномъ состояніи духа. его разговоръ не отличался отъ разговора всякаго образованнаго человѣка, *но дѣлался блестящимъ и неудержимымъ потокомъ, какъ только прикасался къ какой-нибудь струнѣ его сердца или къ мысли, глубоко его занимавшей*“ (Анненковъ, стр. 85). Значитъ, нашъ поэтъ на этомъ пути

опередилъ русское общество, о которомъ иностранка г-жа Сталь замѣтила, что „оно не привыкло говорить отъ глубины души или ума. Братъ нашего поэта засвидѣтельствовалъ, что бесѣда А. С. Пушкина въ подобныхъ случаяхъ была замѣчательна почти не менѣе его поэзіи. Особенно передъ слушательницами любилъ онъ расточать всю гибкость своего ума, все богатство своей природы, и называлъ это на обыкновенномъ насмѣшливомъ языкѣ своемъ „кокетничаньемъ съ женщинами“ (ib.) [1]). Но чѣмъ ближе изучалъ А. С. Пушкинъ русское общество, тѣмъ все больше и больше разочаровывался въ немъ. По свидѣтельству его короткаго знакомаго П. В. Н—на, онъ съ теченьемъ времени сдѣлался полнѣйшимъ домосѣдомъ, удалялся отъ свѣтскихъ развлеченій и разнорѣчиваго говора многолюдства. „Цѣлые дни проводилъ онъ въ кругу домашнихъ своего друга, на диванѣ, съ трубкой во рту, прислушиваясь къ простому разговору, въ которомъ дѣла хозяйственнаго быта стояли часто на первомъ планѣ. Надобны были даже усилія со стороны заботливаго друга его, чтобы заставить Пушкина не прерывать своихъ знакомствъ, не скрываться отъ общества и выѣзжать“ (ib. 216). А между тѣмъ, онъ на это общество уже успѣлъ было отчасти произвести свое вліяніе и духовное и внѣшнее. Даже въ манерахъ многіе ему подражали: „онъ то отпускалъ кудри до плечъ, то держалъ въ безпорядкѣ свою курчавую голову; носилъ бакенбарды большія и всклокоченныя; одѣвался небрежно [2]); ходилъ скоро, повер-

[1]) Графъ Корфъ въ своей «запискѣ» о Пушкинѣ говоритъ совершенно противное: «Вспыльчивый до бѣшенства, вѣчно разсѣянный, вѣчно погруженный въ поэтическія свои мечтанія, съ необузданными Африканскими страстями, избалованный издѣтства похвалою и льстецами, Пушкинъ ни на школьной скамьѣ, ни послѣ, въ свѣтѣ, не имѣлъ ничего любезнаго и привлекательнаго въ своемъ обращеніи. Бесѣды ровной, систематической, сколько нибудь связной у него совсѣмъ не было, какъ не было и дара слова; были только вспышки: рѣзкая острота, злая насмѣшка, какая-нибудь внезапная поэтическая мысль, но все это лишь урывками, иногда, въ добрую минуту; большею же частію или тривіальныя общія мѣста, или разсѣянное молчаніе». Но князь Вяземскій это заявленіе опровергаетъ: «Не думаю, чтобы Пушкинъ былъ издѣтства избалованъ *льстецами*. Какіе могли быть тутъ льстецы?» (См. Рус. Арх. 1884. стр. 389.); Катенинъ же Пушкину писалъ: «на все сладострастное ты собаку съѣлъ» (Р. Арх. 1881. т. I. стр. 151).

[2]) И самъ Пушкинъ отмѣтилъ это въ «Родословной моего героя»:

«Онъ одѣвался нерадиво,
На немъ сидѣло все не такъ:
Всегда бывалъ застегнутъ криво
Его зеленый, узкій фракъ:

тывая тросточкой или хлыстикомъ, насвистывая, или напѣвая пѣсню. Подражавшіе ему назывались: à la Пушкинъ“ (Русс. Старина. X. 1874, стр. 684). Скажутъ: это странность, незаслуживающая особеннаго вниманія. Конечно, странность, въ родѣ той другой странности, что нашъ поэтъ, презиравшій глупую чернь и ея мелкія счеты, очень печалился, что въ служебной іерархіи онъ не больше, какъ коллежскій секретарь (См. его записку, поданную императору Николаю Павловичу). Но все это въ порядкѣ вещей въ такомъ сложномъ характерѣ, въ такой своеобразной натурѣ, какъ А. С. Пушкинъ, который уже въ дѣтствѣ привелъ родителей сначала въ изумленіе, а затѣмъ и въ ужасъ, который, вдоволь настрадавшись смолоду отъ родныхъ и друзей, говаривалъ: „Защити меня, Господи, отъ моихъ друзей, а враговъ я беру на себя“, который будучи въ душѣ художникомъ, „не любилъ картинъ въ своемъ кабинетѣ“, которому „голая сѣренькая комната давала болѣе вдохновеній, чѣмъ роскошный кабинетъ съ эстампами, статуями и богатою мебелью (такъ какъ они только развлекали его), потребностью таланта коего и условіемъ его производительности было—имѣть простую комнату для литературныхъ занятій“ (Анненковъ, о. с. 117); который очень часто ходилъ гулять по толкучему рынку, гдѣ покупалъ сайки, и затѣмъ, возвращаясь по Невскому проспекту, предлагалъ эти сайки свѣтскимъ разряженнымъ щеголямъ, которые убѣгали съ ужасомъ (Воспоминанія графа В. А. Сологуба, глава V). Повторяю—всѣ странности А. С. Пушкина необходимы въ немъ, какъ равно необходимыми оказываются странности великаго англійскаго поэта Байрона, знаменитаго какъ своими поэмами, такъ и своими странностями, потому что „часто человѣкъ“ — писалъ самъ Пушкинъ —„по какому-либо своенравному убѣжденію ума своего, можетъ выставлять на позоръ толпѣ не самую лучшую сторону своего нравственнаго бытія: часто можетъ бросать пыль въ глаза черни однѣми своими странностями“ (Соч. V, стр. 118) [1]). Нашъ геніальный поэтъ, лелѣявшій въ глубинѣ своего сердца и души чудные поэтическіе образы и затѣмъ представлявшій ихъ обществу, нерѣдко заявлялъ, что они не удовлетворяютъ его, что „они ему надоѣли; *Русланъ*—молокососъ, *Плѣнникъ*— зеленъ и передъ поэзіей Кавказской природы поэма моя—Голиковская проза“. (Его письмо отъ 1825 г.—Аннен-

---

Но должно знать, что мой чиновникъ
Былъ сочинитель . . . . «(Вновь найденные стихи ... «Мѣднаго Всадника» въ Рус Арх 1881. стр. 252).

[1]) Слова эти сообщены въ анекдотѣ о Байронѣ, напечатанномъ въ «Литературной Газетѣ» за 1830 г.

ковъ о. с. стр. 86). Геній А. С. Пушкина, очевидно, стремился къ чему-то особенному, чего, вѣроятно, и не вполнѣ достигъ онъ за преждевременною смертію.

Прежде чѣмъ достичь своего идеала, нашему поэту приходилось уклоняться въ сторону, чѣмъ и объясняются тѣ противорѣчія какъ въ жизни, такъ и въ литературной дѣятельности, на которыя уже указано его біографами; сначала онъ былъ, говоря словами одного его современника, „отголоскомъ своего поколѣнія со всѣми его недостатками и со всѣми добродѣтелями". И вотъ, можетъ быть, почему онъ былъ поэтъ истинно народный, какихъ не бывало прежде въ Россіи (Пыпинъ, Характеристика литер. мнѣній, стр. 43). Вотъ, почему даже нашъ историографъ Н. М. Карамзинъ, самъ подвергшійся ложному обвиненію (въ 1810 г.) Голенищева-Кутузова въ распространеніи „вольнодумческаго и якобинскаго яда", рѣшился въ письмѣ къ И. И. Дмитріеву назвать нашего Пушкина „безпутною головою" [1]). Вотъ, почему упомянутый уже неизвѣстный авторъ „Записокъ" о Пушкинѣ счелъ возможнымъ высказать о А. С. Пушкинѣ слѣдующее, по нашему мнѣнію, невѣрное сужденіе: „Пушкинъ — писатель прекрасный и негодный" (Русс. Старина. 1874. X, 685); „онъ прослылъ"—говоритъ тотъ же авторъ „Записокъ" о Пушкинѣ — „русскимъ Байрономъ, вольнодумцемъ и опаснымъ

---

[1]) «Хотя я, уже давно истощивъ всѣ способы образумить эту безпутную голову, предалъ несчастнаго Року и Немезидѣ; однакожь изъ жалости къ таланту замолвилъ слово, взявъ съ него обѣщаніе уняться. Не знаю, что будетъ. Мнѣ уже поздно учиться сердцу человѣческому— иначе я могъ бы похвалиться новымъ удостовѣреніемъ, что либерализмъ нашихъ молодыхъ людей совсѣмъ не есть геройство и великодушіе» (Переписка, стр. 287). Въ этомъ отзывѣ Карамзина видно непониманіе Пушкина, которыя своею дѣятельностію полагалъ сдѣлать конецъ періоду русской литературы, русскаго развитія, основанному Карамзинымъ. Что это дѣйствительно такъ, свидѣтельствуетъ слѣдующій отрывокъ изъ утерянныхъ «Записокъ» А. С. Пушкина, писанный, какъ думаетъ Анненковъ въ 1825, вскорѣ послѣ смерти историографа «Кстати, замѣчательная черта. Однажды началъ онъ (Карамзинъ) при мнѣ излагать *свои любимые парадоксы*. Оспаривая его, я сказалъ «Итакъ, вы рабство предпочитаете свободѣ! Карамзинъ вспыхнулъ и назвалъ меня своимъ клеветникомъ. Я замолчалъ, уважая самый гнѣвъ прекрасной души. Разговоръ перемѣнился. Я всталъ. Карамзину стало совѣстно, и, прощаясь со мной, онъ ласково упрекалъ меня, какъ бы самъ извиняясь въ своей горячности: *„Вы сказали на меня то, чего ни Шаховской, ни Кутузовъ на меня не говорили"*.... (А. С Пушкинъ въ александров. эпоху. Спб. 1874, стр. 118—119).

человѣкомъ“ (ib. 684 [1]), а также письмо (1820 г.) графа Нессельроде къ генералу Инзову въ „Русс. Стар.“ 1887 г. январь).

Вольнодумцемъ и опаснымъ человѣкомъ—скажемъ мы— провозгласили его знатные старички — соперники въ любовныхъ шалостяхъ [2]), которыми такъ обиленъ періодъ жизни нашего поэта до водворенія его въ с. Михайловскомъ (вспомнимъ стихотвореніе „Воспоминаніе“ (1822 г.)). Таковымъ провозгласило его на видъ благонамѣренное общество, утверждавшее, что и умъ Пушкина вызывалъ удивленіе, *но характеръ его, кажется, ускользнулъ отъ взоровъ наставниковъ*“ (Письмо Нессельроде къ Инзову ib.) [3]), что „онъ вступилъ въ свѣтъ“ — какъ писалъ гр. Каподистрія — „сильный пламеннымъ воображеніемъ, но слабый полнымъ отсутствіемъ тѣхъ внутреннихъ чувствъ, которыя служатъ замѣною принци-

---

[1]) Возраженіе противъ этихъ показаній сдѣлано Н. Барсуковымъ въ статьѣ «Замѣтки и поправки по поводу новыхъ свѣдѣній о жизни Пушкина» (Рус. Арх. 1874. кн. 12. стр. 1088 и далѣе).

[2]) Какъ с-петербургскій генералъ-губернаторъ графъ Милорадовичъ, доложившій въ 1820 г. послѣ знаменитой эпиграммы на Аракчеева, императору Александру I, что А. С. Пушкинъ наводнилъ Россію возмутительными стихами, которые вся молодежь учитъ на изусть (Зап. Пущина, Атеней за 1859, № 8; срв. отрывокъ письма А. С. Пушкина у Анненкова «А. С. Пушкинъ въ александровскую эпоху» стр. 142—153); за это нашъ поэтъ и былъ переведенъ (5 мая того же года) изъ Петербурга въ Кишиневъ. Въ бытность свою въ г. Кишиневѣ, А. С. Пушкинъ задумалъ, было, сатирическую поэму по поводу событій дня, но не кончилъ ее; изъ сохранившихся отрывковъ ея видно, что нашъ поэтъ переживалъ тогда пору отрицанія (Анненковъ ор. с., стр 176—177), условленную фатальнымъ преслѣдованіемъ его. Съ нею не имѣетъ ничего общаго шутливое посланіе (26 іюня 1821 г. Кишиневъ), найденное въ бумагахъ П. А. Каратыгина и напечатанное впервые въ «Историческомъ Вѣстн.» 1880. сентябрь). Въ Кишиневѣ ночью 28 мая 1822 г. Пушкинъ началъ поэму «Евгеній Онѣгинъ» (См. Кишиневская тетрадь. Рукописи Пушкина въ Рус. Арх. 1881. т. I. стр. 221).

[3]) Срав. также слова И. Н. Скобелева *въ письмѣ* къ главнокомандующему, отъ 17 янв —1824 г. изъ Москвы, по поводу ходившаго въ то время въ рукописи стихотворенія «Мысль о свободѣ»: «не лучше ли было оному Пушкину, который изрядныя дарованія свои употребилъ въ явное зло, запретить издавать развратныя стихотворенія? Не соблазнъ ли они для людей, къ воспитанію коихъ пріобрѣтено спасительное попеченіе.... Если бы сочинитель вредныхъ пасквилей (Пушкинъ) немедленно, въ награду, лишился нѣсколько клочковъ шкуры—было бы лучше. На что снисхожденіе къ человѣку, надъ коимъ *общій голосъ благомыслящихъ гражданъ* дѣлаетъ строгій приговоръ» (Рус. Арх 1881, стр. 186).

повъ, пока *опытъ не успѣетъ дать намъ истиннаго воспитанія*“ (ib.); таковымъ провозгласило его общество, принявшее за правило — молчаливое отвращеніе отъ самостоятельности и оригинальности, считавшее работу мысли бездѣльемъ, то общество, которое, въ бытность А. С. Пушкина въ Одессѣ, оповѣстило его человѣкомъ празднымъ, проходимцемъ, потеряннымъ человѣкомъ между „*благоразумными людьми* эпохи“, которое къ благороднымъ движеніямъ сердца нашего поэта относилось съ дружелюбнымъ коварствомъ, мягко и осторожно нанося ему личныя оскорбленія, съ примѣсью шутливаго презрѣнія, а въ тихомолку занималось глупыми пересудами всѣхъ проявленій ума, юмора и самолюбія великаго поэта, которое усматривало въ поступкахъ русскаго генія *вліяніе дурныхъ примѣровъ кишиневскихъ молодыхъ болгаръ и грековъ* [1]); таковымъ, наконецъ, провозгласили Пушкина его литературные враги, которыхъ онъ имѣлъ не мало (какъ и всякій выдающійся человѣкъ), потому что онъ ратовалъ за перевоспитаніе русскаго общества, за реформу въ Русской литературѣ на началѣ разумной, безпристрастной критики, на которую возложена важная педагогическая задача. Не даромъ онъ совѣтовалъ Гоголю заняться исторіей русской критики [2]).

Намъ теперь понятно, почему первыя произведенія А. С. Пушкина приводили въ ужасъ тогдашнихъ нашихъ псевдо-классиковъ своимъ своеволіемъ мысли и выраженія. Понятно также и то, почему люди, имѣвшіе, по видимому, разумный взглядъ на литературу (какъ А. Бестужевъ), не могли взять въ толкъ слѣдующихъ словъ А. С. Пушкина, сказанныхъ въ 1825 г.: „не должно русскихъ писателей судить, какъ иноземныхъ. Тамъ пишутъ для денегъ, а у насъ (кромѣ меня) изъ тщеславія. Тамъ стихами живутъ, а у насъ графъ Хвостовъ прожился на нихъ. Тамъ ѣсть нечего, такъ пиши книгу, а у насъ ѣсть нечего, такъ служи, да не сочиняй“ (Анненковъ, А. С. Пушкинъ въ александр. эпоху. 250),—и потому сочли автора этихъ правдивыхъ для того времени словъ, вѣрно характеризующихъ высшее русское общество, партизаномъ особенной опеки надъ литературою.

Понятно также, что, при такомъ настроеніи тогдашняго русскаго общества, А. С. Пушкину пришлось выдержать сильную борьбу,

---

[1]) См. письмо одесскаго генералъ-губернатора Воронцова къ министру иностранныхъ дѣлъ Нессельроде, отъ 1824 года, по поводу отозванія Пушкина изъ Одессы.

[2]) «Гоголь по моему совѣту началъ исторію Русской критики» (Записки А. С. Пушкина въ Русс. Арх. 1880, стр. 493).

которую онъ дѣйствительно и выдержалъ съ достоинствомъ, при сильномъ напряженіи своихъ умственныхъ и физическихъ силъ: вся жизнь нашего поэта просто кипѣла.

Одержанная имъ побѣда и слѣдовавшій за нею громадный авторитетъ дали ему и его послѣдователямъ право писать не такъ, какъ писали до того, чѣмъ было условлено существованіе особаго періода въ Русской литературѣ, получившаго названіе „пушкинскаго“; а пріобрѣтенная имъ слава знаменитаго писателя оказалась прекраснымъ отвѣтомъ на неестественное отношеніе къ нему русскаго общества, чувствовавшаго, однако, что „нѣтъ того совершенства, котораго не могъ бы достигнуть Пушкинъ высокимъ превосходствомъ своихъ дарованій“ (Письмо гр. Нессельроде къ Пизову въ „Русс. Стар.“—1887 г. январь).

Оспаривая выше приведенныя слова неизвѣстнаго автора „Записокъ“ о Пушкинѣ, мы въ тоже время принимаемъ слѣдующія его слова: „Сочиненія Пушкина, упояющія сладостью стиха, могутъ развратить неопытнаго и легкомысленнаго читателя; но для человѣка возвышеннаго въ нравственности и прямыхъ правилахъ вѣры— онѣ сокровищница наслажденій и даже поучительныхъ истинъ“ (Русс. Стар. X 1874, стр. 685). Несомнѣнно, что А. С. Пушкинъ въ своихъ произведеніяхъ, предназначавшихся для читающаго русскаго міра, является идеальнымъ Пушкинымъ. Чистое творчество не дозволило лучшей части его нравственной природы загрубѣть и недопустило къ его благородной душѣ растлѣвающей ржавчины порока и страстей. Въ этомъ кроется причина особеннаго уваженія нашихъ выдающихся писателей къ сочиненіямъ Пушкина. Такъ, Н. В. Гоголь, работая въ Римѣ надъ „Мертвыми Душами“, постоянно читалъ стихотворенія А. С. Пушкина вмѣстѣ съ любимыми мѣстами изъ „Божественной Комедіи“ Данта и „Иліады“ въ переводѣ Гнѣдича (Анненковъ, Воспоминанія т. I. Гоголь въ Римѣ 1841 г., стр. 200). Авторъ „Мертвыхъ Душъ“ „благоговѣлъ передъ созданіями Пушкина за изящество, глубину и тонкость ихъ поэтическаго анализа“ (ib. 187). Извѣстный нашъ критикъ Бѣлинскій въ разговорѣ съ извѣстнымъ собирателемъ матеріаловъ для біографіи нашего поэта Анненковымъ передъ отъѣздомъ сего заграницу спросилъ: „беретъ ли онъ (Анненковъ) какія-нибудь русскія книги?“

На это ему Анненковъ отвѣтилъ: „странно вывозить книги изъ Россіи въ Германію“ (въ томъ числѣ и Пушкина).

Бѣлинскій же по этому случаю высказалъ слѣдующее очень мѣткое сужденіе: „Лично для себя, я не понимаю возможности жить, да еще въ чужихъ краяхъ, безъ Пушкина“ (ор. с. III. стр. 36—37).

Всѣ сообщенныя здѣсь мелочи намъ кажутся нелишними, въ виду того, что люди противоположнаго взгляда, видящіе въ А. С. Пушкинѣ прототипъ демонической натуры, ничего не признававшей на землѣ, кромѣ своихъ личныхъ или авторскихъ интересовъ (или какъ неизвѣстный авторъ „Записокъ“ о Пушкинѣ), пожалуй, будутъ указывать какія-нибудь черныя точки въ свѣтлой личности необыкновеннаго человѣка. Мы, кромѣ того, считаемъ умѣстнымъ здѣсь замѣтить, что физіономія каждаго геніальнаго лица должна освѣщаться сама собою — своимъ внутреннимъ огнемъ.

При такомъ отношеніи къ геніальному лицу, изслѣдователю не приходится оправдывать всѣ частности его жизни; а тамъ, гдѣ уже нельзя никоимъ образомъ оправдать, горевать, что нѣкоторыя частности изъ жизни этого лица не поддаются оправданію. Причина тому понятная: изслѣдователь, руководствуясь ложнымъ соображеніемъ, желаетъ поставить геніальнаго человѣка на *почетное мѣсто*, тогда какъ ему подобаетъ занимать мѣсто свободное и просторное; на почетномъ мѣстѣ указываютъ вамъ какое-то пятнышко, котораго можетъ въ дѣйствительности и небыть: пятнышкомъ считаютъ игру свѣта и тѣни, порождаемую естественнымъ отраженіемъ характера на другихъ предметахъ и лицахъ. Но если изслѣдователь глубоко вдумается въ дѣятельность великаго и геніальнаго дѣятеля, онъ, по необходимости, составитъ цѣльное изображеніе его характера, который цѣликомъ же принимается и другими, на основаніи строгихъ нравственныхъ соображеній. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, изслѣдователю не приходится играть роли вѣсовщика, который обвѣшиваетъ покупателей—читателей, то задерживая одну чашку съ явленіями слишкомъ тяжеловѣсными, то подталкивая другую съ явленіями нѣсколько легковѣсными въ нравственномъ отношеніи.

Намъ, при уясненіи нѣкоторыхъ противорѣчій въ дѣятельности А. С. Пушкина, всегда слѣдуетъ помнить то обстоятельство, что онъ въ Царско-сельскомъ лицеѣ получилъ воспитаніе самое либеральное, а вступилъ на поприще дѣятельности въ моментъ реакціи, когда оказалось нужнымъ примѣнить въ Россійской Имперіи (исключая Польши и Литвы) предложенныя ахенскимъ конгрессомъ (осенью 1818 г.) мѣры для ограниченія вредныхъ послѣдствій черезчуръ свободной европейской печати, когда у насъ, подъ вліяніемъ австрійскихъ реакціонеровъ, окончательно устраняется преобразовательная реформа, когда въ самомъ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, подъ вліяніемъ теоріи Магницкаго и его поклонника князя А. Н. Голицына до назначенія въ 1824 г. министромъ народнаго просвѣщенія добраго старика А. С. Шишкова (который, однако,

всю современную ему русскую литературу называлъ „легкомысленною"), царило ультра-мистическое направленіе [1]) значительной партіи русскаго свѣтскаго общества, желавшаго отвлечь людей отъ грубыхъ удовольствій и предоставить имъ занятія вопросами моральнаго и отвлеченнаго свойства, задумавшаго вывести цѣли и задачи русскаго развитія изъ указаній русской исторіи и потому, естественно, возведшаго въ лицѣ авторовъ полемическихъ противъ Карамзина замѣтокъ: М. Ѳ. Орлова, Никиты Муравьева и Лунина (см. разборъ „Донесенія" слѣдственной комиссіи" [2])) въ догматъ

[1]) См. «Записки» Шишкова. Также: Ѳеоктистова «Магницкій» (Русс. Вѣстникъ, 1865 г.), Сухомлинова «Матеріалы для образованія Россіи въ царствованіе императора Александра I» (Журн. М. Н. Просв. за 1865 и 1866 г.) и статьи А. Н. Пыпина въ «Вѣстникѣ Европы» за 1879 г.

[2]) Оно цѣликомъ перепечатано въ Рус. Арх. за 1881. Приводимъ отрывокъ изъ «донесенія» касающійся «Общества Соединенныхъ Славянъ». «Васильковская управа приняла многихъ новыхъ членовъ; она.... первая вступила въ сношенія съ Польскимъ Обществомъ, и ею же въ 1825 году открыто другое Тайное Общество, *Соединенныхъ Славянъ*, которое было и не весьма многочисленно и незначительно, ни по званію, ни по свойствамъ членовъ своихъ, и коего существованіе продолжалось не болѣе двухъ лѣтъ. Основать оное вздумалъ, въ 1823 году, подпоручикъ артиллеріи Борисовъ 2-й, пригласивъ къ тому своего брата и одного Волынскаго шляхтича Люблинскаго. Онъ сочинилъ, а Люблинскій перевелъ на Польскій языкъ, формулу клятвеннаго обѣщанія для вступающихъ и краткій Катихизисъ *Славянина*. Въ немъ, между многими ученическими апофѳегмами о природѣ, о просвѣщеніи и предразсудкахъ, о простотѣ выраженій великодушія и надутомъ слогѣ рабства, сказано: *не надѣйся ни на кого кромѣ друзей и своего* (оружія). *Друзья тебѣ помогутъ, а оружіе тебя защититъ; и ты еси Славянинъ, и на землѣ твоей, при берегахъ морей ее окружающихъ, построишь четыре порта, Черный, Бѣлый, Далматскій, Ледовитый, воздвигнешь городъ и въ немъ своимъ могуществомъ посадишь на тронѣ богиню просвѣщенія, и проч. и проч. Желаешь сего, жертвуй 10-ю часть своихъ доходовъ, и будешь обитать въ сердцѣ друзей.* Къ клятвѣ, обѣщаясь хранить тайну, дѣйствовать для блага Славянскихъ племенъ, они прибавляли: *Если измѣню, то да буду наказанъ и угрызеніемъ совѣсти, и симъ оружіемъ, надъ коимъ произношу присягу. Да внидетъ оно острiемъ въ сердце мое, да истребитъ всѣхъ мнѣ любезныхъ, и жизнь моя съ сей минуты да будетъ сѣченіемъ неслыханныхъ бѣдъ.* Цѣлію Общества они полагали соединить общимъ союзомъ и единообразнымъ республиканскимъ правленіемъ, но безъ нарушенія независимости каждаго, восемь Славянскихъ колѣнъ, означенныхъ на осміугольной печати ихъ: *Россію, Польшу, Богемію, Моравію, Далмацію, Кроацію, Венгрію съ Трансильваніей, Сербію съ Молдавіей и Валахіей.*

БИБЛИОТЕКА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

повсемѣстное существованіе на Руси республикъ и совѣщательныхъ собраній, никогда непризнававшихъ единоличной власти. И теперь, на основаніи ложно составленной теоріи о древне-славянскомъ бытѣ, требовавшаго федераціи славянскихъ племенъ (въ лицѣ Общества „Соединенныхъ Славянъ“).

Но этого мало. А. С. Пушкинъ вступилъ на поприще дѣятеля въ то неблагопріятное время, когда, въ сущности говоря, еще не было общества, связаннаго общностью научнаго и нравственнаго образованія, когда блестящее сословіе гвардейскихъ офицеровъ давало тонъ всему молодому поколѣнію, хотя и само-то оно не было однородное, а дѣлилось по образованію своихъ членовъ, по началамъ и убѣжденіямъ на массу разновидностей, въ числѣ коихъ кружокъ эпикурейцевъ занималъ одно изъ выдающихся положеній. Другими словами — русское общество въ эту многоцвѣтную эпоху представляло какой-то хаосъ. Въ этомъ-то хаосѣ А. С. Пушкинъ долженъ былъ сначала сдѣлаться пѣвцомъ богатырскаго разгула, пѣвцомъ Общества „Зеленой лампы“, имѣвшаго оргійный характеръ (Бартеневъ, Пушкинъ на югѣ). Здѣсь прямо сказалось вліяніе среды, и потому польскій поэтъ Адамъ Мицкевичъ вполнѣ основательно выразился въ своемъ некрологѣ Пушкина, помѣщенномъ во французской газетѣ „Le Globe“ (1837, 21 мая): „Недостатки Пушкина, по видимому, зависѣли отъ обстоятельствъ и общества, въ которомъ онъ вращался; но что въ немъ было добраго, то проистекало изъ его собственнаго сердца“ [1]).

Замѣтимъ, при этомъ, что не одинъ А. С. Пушкинъ былъ пѣвцомъ богатырскаго разгула.

II.

Что же представляла Русская литература въ это хаотическое время?

Одновременно съ А. С. Пушкинымъ подвизались на литературномъ поприщѣ слѣдующіе писатели: Баратынскій, Батюшковъ, Языковъ, баронъ Дельвигъ, Подолинскій, Веневитиновъ, Полежаевъ, Давыдовъ, Козловъ, Туманскій, Хомяковъ и др.; ихъ стихотворенія прочитывались публикою съ такою же жадностью, какъ и всякое новое стихотвореніе А. С. Пушкина, но ни одинъ изъ нихъ не стяжалъ у потомства славы А. С. Пушкина. Всякому понятно, что въ этомъ

---

[1]) См. Dzieła Adama Mickiewicza, 1880. Paryż V, 279.

вниманіи потомства къ геніальнымъ созданіямъ А. С. Пушкина заключается все неизмѣримое его превосходство предъ другими ему современными писателями, изъ которыхъ Баратынскій и теперь будетъ прочитанъ мыслящимъ человѣкомъ съ большимъ удовольствіемъ, потому что предметъ его лиры очень интересный— человѣкъ вообще, какъ равно Батюшковъ и А. Полежаевъ.

Чѣмъ же условлена столь громадная разница между твореніями нашего геніальнаго поэта и твореніями современныхъ ему поэтовъ?

„Въ то блаженное время быть поэтомъ— значило быть древнимъ полубогомъ. Всѣ, поэтому, бросились въ поэты. Стишки были въ страшной модѣ: ихъ читали въ книгахъ, изъ книгъ переписывали въ тетрадки. Молодые люди бредили стихами, и чужими и своими: „барышни“ были отъ стиховъ безъ ума. „Дѣва, луна, она, къ ней, золотая лѣнь, мечта, буйное разгулье, разочарованіе“, но въ особенности *дѣва* и *луна* сдѣлались постоянными темами, на которыя наши поэты въ запуски варіировали свои невинныя упражненія въ стихотворствѣ. Это было полное торжество самой безкорыстной любви къ искусству и литературѣ. Лишь появится, бывало, стихотвореніе, критики и рецензенты о немъ пишутъ и спорятъ о немъ. Бывало, убить нѣсколько вечеровъ на споръ о стихотвореніи ничего не стоило.... Литературу любили для литературы, стихи любили для стиховъ, рифмы для рифмъ, а совсѣмъ не для смысла или того значенія, которое было (если только было) въ стихахъ и рифмахъ“ (Бѣлинскій, Сочиненія т. IX, стр. 256).

Но совершенно иначе взглянулъ на литературное дѣло нашъ геніальный поэтъ. Изъ выше приведенныхъ словъ А. С. Пушкина объ иностранныхъ писателяхъ, современныхъ ему русскихъ поэтахъ и самомъ себѣ видно, что онъ усвоилъ совершенно иную точку зрѣнія на литературу. Здѣсь можно присоединить еще слѣдующее его изрѣченіе въ письмѣ къ издателю „Бахчисарайскаго Фонтана“ (1823 г.) князю П. А. Вяземскому: „Я къ XVIII в. не принадлежу: пишу для себя, а печатаю для денегъ — ничуть не для улыбки прекраснаго пола....“ (Анненковъ, А. С. Пушкинъ въ александр. эпоху, стр. 252). Такъ, очень мѣтко осудилъ А. С. Пушкинъ стремленіе современныхъ ему русскихъ писателей прославить свое имя въ кругу своихъ пріятелей плохими стишками и ими дѣйствовать въ пользу отечественной литературы; онъ первый понялъ высокое значеніе литератора, который долженъ всецѣло отдаться своимъ литературнымъ занятіямъ, чтобы имѣть возможность дѣлать безпристрастныя наблюденія надъ современною ему дѣйствительностью. Русская литература должна была съ этого

момента сдѣлаться выразительницею дѣйствительности, общественнаго состоянія.

Писателю, изображающему современное ему общество, необходимо пріобрѣсти въ самомъ этомъ обществѣ опредѣленное и выдающееся положеніе; необходимо ему сдѣлаться извѣстнымъ самому этому обществу, изъ котораго, говоря словами самого же А. С. Пушкина (переданными его родными), *никто безъ шума не выходилъ* (Анненковъ, Пушкинъ въ александров. эпоху, 85).

Въ высшей степени многотребовательная натура такого общественнаго писателя, какъ А. С. Пушкинъ, должна была проявить потребность извѣдать всѣ стороны и всѣ классы общества и ихъ впечатлѣніями воспользоваться. Поэтому-то, когда ему стало извѣстно, что многіе представители тогдашней русской интеллигенціи между 1818—1825 гг. занимаются проповѣдью строгихъ правилъ жизни, тою проповѣдью, которая постепенно привела къ образованію тайнаго политическаго общества „Союза благоденствія", смѣненнаго затѣмъ такимъ же „Сѣвернымъ обществомъ" и „Южнымъ обществомъ", а равно „Обществомъ Соединенныхъ Славянъ", коихъ цѣлью, между прочимъ, было привести различныя наши образованности къ какому-нибудь единству, когда стало замѣтно, что эти дѣятели наконецъ достигли того, что даже на балахъ съ дамами стали толковать объ Адамѣ Смитѣ (это отмѣчено въ неоконченномъ произведеніи А. С. Пушкина „Отрывки изъ романа въ письмахъ"), онъ — этотъ русскій геній домогается сдѣлаться членомъ „Южнаго общества"; но, не смотря на всѣ свои старанія, онъ не достигаетъ цѣли, по нежеланію самихъ членовъ этого „общества".

Но это значило лишать А. С. Пушкина возможности изучать русское общество, перевоспитаніе коего составляло задачу его дѣятельности!— А. С. Пушкинъ, если не былъ членомъ такого нравственно-политическаго общества, все же былъ въ связяхъ съ его членами, какъ самъ заявилъ въ письмѣ (1826 г.) къ князю П. А. Вяземскому: „Бунтъ и революція мнѣ никогда не нравились, это правда; но я былъ въ связи почти со всѣми и въ перепискѣ со многими изъ заговорщиковъ" [1]); онъ, такимъ образомъ, все таки достигъ своей цѣли — понялъ и это лучшее русское общество!

Каково было это лучшее общество, такъ называемый „большой свѣтъ"— хранитель просвѣщенія на Руси, отчасти указано выше. Насколько мнимое просвѣщеніе этого „большого свѣта" (состоявшее на самомъ дѣлѣ въ блестящемъ диллетанствѣ) было ни-

[1]) **Рус. Архивъ. 1874. кн. 2. Письма А. С. Пушкина, стр. 430.**

чтожно — показала катастрофа, постигшая рядѣтелей и носителей этого просвѣщенія: русское общество осталось безъ всякихъ идей, если въ лицѣ этого „большого свѣта“ оно могло предаться мистическимъ теоріямъ и всякимъ сектаторскимъ ученіямъ, если какое-то странное преклоненіе передъ первою попавшеюся теоріей, безъ изученія ея смысла, замѣняло ему настоящее образованіе, если всякая такая новая, чудовищная теорія, всякое новоявленное ученіе признавались имъ спасеніемъ человѣческаго рода, непререкаемымъ догматомъ [1])....

Такова была культура русскихъ образованныхъ круговъ 20-хъ годовъ текущаго столѣтія! Знаніе пріобрѣталось не путемъ изученія, допускающаго измѣненія взглядовъ, поправки и дальнѣйшее ихъ развитіе, а было плодомъ молодого увлеченія, въ одной и той же степени сохраняемаго и въ старомъ возрастѣ.

А. С. Пушкинъ, благодаря своей здоровой нравственной натурѣ, съ изумленіемъ остановился передъ этимъ обществомъ:

Несносно видѣть предъ собою
Однихъ обѣдовъ длинный рядъ,
Глядѣть на жизнь, какъ на обрядъ,
И вслѣдъ за чинною толпою
Идти, не раздѣляя съ ней
Ни общихъ мнѣній, ни страстей —

говоритъ онъ.

Сила его здраваго смысла указала ему другой путь — стать во главѣ необходимаго для русскаго общества новаго, свѣжаго умственнаго движенія. Если въ своихъ произведеніяхъ, написанныхъ имъ до уясненія себѣ этого новаго пути, А. С. Пушкинъ скорѣе слѣдовалъ настроенію эпохи, чѣмъ своимъ личнымъ побужденіямъ, то въ произведеніяхъ, писанныхъ послѣ того, онъ сознательно принимаетъ роль воспитателя русскаго общества, рядѣтеля о пользѣ всего русскаго народа. Такимъ А. С. Пушкинъ показалъ себя въ „Алеко“, типъ коего очень мѣтко охарактеризованъ Достоевскимъ въ его „Рѣчи“ при открытіи памятника нашему великому поэту въ Москвѣ: „Въ Алеко Пушкинъ отыскалъ и геніально отмѣтилъ того несчастнаго скитальца въ родной землѣ, того историческаго русскаго страдальца, столь исторически явившагося въ оторванномъ отъ народа обществѣ нашемъ... Это—типъ *постоянный* и *надолго*

[1]) Срв. «Воспоминанія» графа В. А. Сологуба (Историч. Вѣстн. 1886 г. янв. 59 и дальше о князѣ Ѳ. С. Голицынѣ и Д. М. Кологривовѣ, родномъ братѣ (отъ другаго отца) А. Н. Голицына, министра народнаго просвѣщенія.

поселившійся въ русской землѣ. Эти русскіе бездомные скитальцы продолжаютъ и до сихъ поръ свое скитальчество, и если въ наше время не ходятъ въ цыганскій таборъ искать успокоенія въ ихъ дикомъ своеобразномъ бытѣ своихъ *міровыхъ* идеаловъ и успокоенія отъ сбивчивой и нелѣпой жизни нашего интеллигентнаго общества, то ходятъ съ новою вѣрою на другую ниву и работаютъ на ней, ревностно вѣруя, какъ и Алеко, что достигнутъ въ своемъ фантастическомъ дѣланіи цѣлей своихъ и счастія не только для самихъ себя, но и всемірнаго, ибо *русскому* скитальцу *именно необходимо*— всемірное счастье, чтобъ успокоиться: *дешевле онъ не примирится*".

Намъ лично вовсе не безцѣльнымъ представляется стремленіе А. С. Пушкина попасть въ число членовъ упомянутыхъ тайныхъ обществъ, имѣвшихъ первоначально чисто аристократическій оттѣнокъ. Рѣшившись сдѣлаться воспитателемъ русскаго общества, онъ полагалъ такимъ образомъ скорѣе и легче опредѣлить смыслъ многорѣчивыхъ толковъ русской интеллигенціи—„большого свѣта", чтобы затѣмъ, конечно, возвыситься надъ нимъ, и самому сдѣлаться свѣточемъ общественной мысли. Послѣдующая его дѣятельность вполнѣ подтверждаетъ это, въ особенности, если, при этомъ, вспомнимъ судьбу всѣхъ бывшихъ въ Россіи „обществъ", какъ масонскихъ (прекратившихъ свое существованіе въ 1822 г.), такъ и литературныхъ (прекратились въ 1825 г.), которыя не выработали для культуры русскаго государства ни одной дѣльной черты по той простой причинѣ, что члены ихъ исполняли лишь одну самую ничтожную обязанность — не слишкомъ часто пропускать засѣданія, исполнять установленные ритуалы, или что-нибудь въ этакомъ родѣ, а иногда издавать свой органъ, который, обыкновенно, стоялъ ниже той ступени развитія, на которой находилось само тогдашнее русское общество. Исключеніе, впрочемъ, составляло литературное общество „Арзамасъ" [1]), членомъ коего состоялъ и А. С. Пушкинъ подъ названіемъ „Сверчка"; но оно не собиралось съ 1817 г., вслѣдствіе розни его членовъ, изъ коихъ нѣкоторые (М. Орловъ, Н. М. Муравьевъ и Н. И. Тургеневъ) требовали придать ему политическую окраску, тогда какъ другіе (Блудовъ и др.) предпочли остаться на почвѣ критики, изученія русскаго языка и литературы. Такое же исключеніе составляло и общество „Бесѣда любителей русской словесности" (но иного направленія), душою коего былъ А. С. Шишковъ, предсѣдатель академіи художествъ А. Н. Оленинъ (родствен-

[1]) См. образцы рѣчей, говоренныхъ при вступленіи въ его члены, въ «Выдержкахъ изъ старой записной книжки, начатой въ 1813 г.» (Русс. Арх. 1876. т. I).

никъ и почитатель Г. Р. Державина), съ которымъ А. С. Пушкинъ часто бесѣдовалъ объ искусствѣ, писатель А. С. Грибоѣдовъ (внесшій нѣкоторыя славянофильскія тенденціи въ свой типъ Чацкаго). Катенинъ и др.

Это было время самое критическое для судьбы Русской литературы: благодаря своему громадному художническому таланту, А. С. Пушкинъ осилилъ эту трудную эпоху, и внесъ въ Русскую литературу новое, чисто-художественное и вмѣстѣ съ тѣмъ реальное начало. Сначала онъ очень сочувственно отнесся къ альманаху „Полярная Звѣзда“ (съ 1823 г.) К. Ѳ. Рылѣева и А. Бестужева, въ которомъ были сосредоточены разрозненныя литературныя силы; въ немъ Русской литературѣ былъ данъ очень важный толчокъ повѣркою всего литературнаго наслѣдства, оставленнаго прежними дѣятелями, но изданіе не долго просуществовало..... Нуженъ былъ болѣе даровитый дѣятель, какимъ и явился нашъ геніальный писатель, который къ 30-ымъ годамъ текущаго столѣтія уже вполнѣ созналъ свою задачу, какъ реформатора Русской литературы и воспитателя русскаго общества.

Не вдаваясь пока въ детальное разъясненіе этого, я замѣчу только, что съ развитіемъ поэтическаго таланта А. С. Пушкина, съ распространеніемъ его вліянія въ русскомъ обществѣ, русская поэзія перестаетъ быть риторическою, скучно-чопорною и приторно-сантиментальною. Если въ поэмѣ „Русланъ и Людмила“ еще замѣтенъ этотъ недостатокъ [1]), то современная критика и даже критика „Вѣстника Европы“ проф. Каченовскаго его не замѣчала: послѣдняя замѣтила въ ней другіе недостатки. А. Пушкинъ очень скоро самъ замѣтилъ этотъ недостатокъ и въ своихъ дальнѣйшихъ произведеніяхъ сдѣлалъ громадный шагъ впередъ; если сравнимъ эти его созданія съ поэмою „Русланъ и Людмила“, то замѣчаемъ слѣдующую разницу: „стихъ поэмы „Русланъ и Людмила“ имѣетъ изумительную плавность, но лишенъ точности, поэтическаго лаконизма, онъ долго извивается вокругъ предмета граціозными кругами, прежде чѣмъ успѣетъ охватить его со всѣхъ сторонъ“ (Соч. Бѣлинскаго); а въ слѣдующихъ его произведеніяхъ этого недостатка уже не находимъ.

Занимаясь сравненіемъ его произведеній двухъ періодовъ его дѣятельности, мы пріучаемся понимать чисто-художественныя произведенія, и такимъ образомъ русскій геніальный писатель является воспитателемъ художественнаго чувства въ русскомъ обществѣ: не безъ цѣли онъ велъ борьбу съ французскимъ эстетическимъ кодексомъ!

[1]) **Поэма эта въ общемъ представляетъ пародію на «*Двѣнадцать спящихъ дѣвъ*» Жуковскаго и насмѣшку надъ чопорностью разсказовъ изъ народной жизни.**

Сознавая свою мощную силу, способную произвести переворотъ въ Русской литературѣ, А. С. Пушкинъ вполнѣ понималъ, какъ слѣдуетъ повести дѣло, чтобы достичь скораго осуществленія своего плана: онъ начинаетъ (1825 г.) убѣждать своего пріятеля П. А. Катенина приступить къ изданію своего журнала: „Вмѣсто альманаха не затѣять ли намъ журнала въ родѣ Edimburgh Review? Голосъ истинной критики необходимъ у насъ; кому же какъ не тебѣ забрать въ руки общее мнѣніе и дать нашей Словесности *новое, истинное направленіе?* Покамѣсть, кромѣ тебя, нѣтъ у насъ критика. Многіе (въ томъ числѣ и я) много тебѣ обязаны; ты отъучилъ меня отъ односторонности въ литературныхъ мнѣніяхъ, а односторонность есть пагуба мысли“ (Анненковъ, Матеріалы... 61). Въ чемъ должно было состоять это новое направленіе, А. С. Пушкину было понятно. Онъ въ то время работаетъ надъ своимъ „Евгеніемъ Онѣгинымъ“, который является выраженіемъ современнаго ему русскаго общества. Это тотъ „Евгеній Онѣгинъ“, о которомъ онъ въ другомъ письмѣ къ тому же Катенину писалъ: „Онѣгинъ мнѣ надоѣлъ и спитъ; впрочемъ“ — прибавляетъ при этомъ — „*я его не бросилъ*“. (Это—тотъ же „Герой нашего времени“, изданный затѣмъ Лермонтовымъ изъ времени литературной дѣятельности сего послѣдняго).

А. С. Пушкинъ, сказавъ „*я не бросилъ Онѣгина*“, отмѣтилъ тѣмъ самимъ, что онъ постоянно слѣдитъ за современнымъ ему русскимъ обществомъ. Будучи вѣрнымъ зеркаломъ современнаго ему русскаго общества, эта поэма обнаруживаетъ въ себѣ мастерство и грацію основного рисунка, особенную теплоту чувства и необыкновенную прелесть развязки. Вслѣдствіе этихъ особенностей, поэма эта всего болѣе была понятна иностранцамъ: бывшій профессоръ Казанскаго университета, а затѣмъ дерптскаго (по юридическому факультету) Нейманъ, извѣстный знатокъ древнихъ и новыхъ иностранныхъ литературъ былъ, по словамъ упомянутаго уже неизвѣстнаго автора „Записокъ“ о Пушкинѣ, „въ восторгѣ отъ „Онѣгина“; онъ предпочиталъ его всѣмъ другимъ сочиненіямъ Пушкина и съ жаромъ доказывалъ, что ни въ одной европейской литературѣ нѣтъ произведенія столь легкаго, остраго, умнаго и восхитительнаго по стиху, какъ „Евгеній Онѣгинъ“ (Русс. Стар. 1874. X, стр. 690).

Къ сожалѣнію, собственно русское общество, которое и было изображено въ этой поэмѣ, не могло или не хотѣло понять его [1]);

[1]) **Ѳ. Булгаринъ въ 35 номерѣ «Пчелы» за 1830 г. писалъ: «Холодный прiемъ, оказанный поэмѣ «Полтава», служитъ яснымъ доказа-**

даже друзья поэта приняли это произведеніе за простую поддѣлку подъ иностранный образецъ—подъ Донъ-Жуана [1]). Русское общество не понимало тонкаго наблюдателя современныхъ нравовъ, автора „Капитанской дочки“, который также начерталъ слѣдующую прекрасную, хотя и краткую характеристику нравовъ своего времени въ „Наставленіи“ своему брату Льву, при вступленіи его въ свѣтъ,

---

тельствомъ, что очарованіе именъ исчезло, и въ самомъ дѣлѣ, можно ли требовать вниманія публики къ такимъ произведеніямъ, какова напр., глава VII «Евгенія Онѣгина»?... Но глава VII испещрена такими *стихами и балагурствомъ*, что въ сравненіи съ ними даже «Евгеній Вельскій» кажется чѣмъ-то похожимъ на дѣло. *Ни одной мысли* въ этой *водяной* главѣ, ни одного чувствованія, ни одной картины, достойной воззрѣнія! *совершенное паденіе*, chute complète!... *Въ пустынѣ нашей поэзіи появился опять „Онѣгинъ“, блѣдный, слабый.... сердцу больно, когда взглянешь на эту безцвѣтную картину.*—Всѣ вводныя и вставныя части, всѣ постороннія описанія такъ ничтожны, что намъ вѣрить не хочется, чтобы можно было печатать такіе мелочи». Гречъ не замедлилъ поддержать Булгарина своимъ лестнымъ отзывомъ о немъ въ «Сынѣ Отечества» (1831. № 27), замѣтивъ, при этомъ, что «у Булгарина въ одномъ мизинцѣ болѣе ума и таланта нежели во многихъ головахъ рецензентовъ»; а Пушкинъ по этому поводу въ «Телескопѣ» (1831 г. ч IV) написалъ слѣдующія строки: «Полагаю себя въ правѣ объявить *во услышаніе всей Европы*, что я ничьихъ мизинцевъ не убоюсь: ибо, не входя въ разсмотрѣніе головъ, увѣряю, что пальцы мои (каждый особо и всѣ пять въ совокупности) готовы воздать сторицею, кому бы то ни было. Dixi!»

[1]) Но П. Катенинъ въ письмѣ отъ 3 февр. 1826 г. писалъ А. Пушкину: «Наконецъ досталъ я и прочелъ вторую часть «Онѣгина» и вообще весьма доволенъ ею; деревенскій бытъ въ ней также хорошо выведенъ, какъ городской — въ первой. Ленскій нарисованъ хорошо, а Татьяна много обѣщаетъ. Замѣчу тебѣ однако (ибо ты меня посвятилъ въ критики), что по сіе время дѣйствіе еще не началось; разнообразность картинъ и прелесть стихотворенія, при первомъ чтеніи, скрадываютъ этотъ недостатокъ, но размышленіе обнаруживаетъ его; впрочемъ его уже теперь исправить нельзя, а остается тебѣ другое дѣло: вознаградить за него вполнѣ въ слѣдующихъ пѣсняхъ» (Рус. Арх, 1881. 141). Въ письмѣ отъ 6 іюня того же года онъ писалъ Пушкину: «Я читалъ недавно третью часть «Онѣгина» и «Графа Нулина»; оба прелестны, хотя безъ сомнѣнія, «Онѣгинъ» выше достоинствомъ. Какъ твой портретъ въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» хорошъ и похожъ: чудо!» (ibid. 152). А въ письмѣ, отъ 1835 г. онъ писалъ. «отцы не всегда такъ расположены къ дѣтямъ своимъ, какъ посторонніе, и коли къ слову пришлось, скажи-ка мнѣ: согласенъ ли ты со мной, что «Онѣгинъ» лучшее твое твореніе? Мнѣ очень хочется знать» (Рус. Архивъ 1881. стр. 156).

(причемъ, конечно, въ значительной степени отразилось умственное и нравственное состояніе и самого поэта). Вотъ, что онъ, между прочимъ, писалъ: „Тебѣ предстоятъ столкновенія съ людьми, которыхъ ты еще не знаешь. Прежде всего постарайся думать объ этихъ людяхъ какъ можно хуже: тебѣ не часто придется поправлять свое сужденіе.. .. Презирай ихъ, какъ можно вѣжливѣе: въ этомъ заключается лучшее средство уберечься отъ ничтожныхъ предразсудковъ и ничтожныхъ страстишекъ, которыя ждутъ тебя, при появленіи въ свѣтъ.... Не будь угодливъ и подавляй въ себѣ чувство доброжелательства, къ которому можешь быть склоненъ. Люди не понимаютъ его и расположены видѣть въ немъ низость, такъ какъ всегда рады судить другихъ по самимъ себѣ.... Никогда не принимай благодѣяній: по большей части благодѣяніе есть ни что иное, какъ предательство.... Относительно женщинъ — желаю тебѣ отъ души обладать тою, которую ты полюбишь... (Анн., А. С. Пушкинъ въ алекс. эпоху, стр. 182).

На этомъ русскій геній не останавливается: изобразивъ въ „Евг. Онѣгинѣ“ человѣка чисто-русскаго направленія, А. С. Пушкинъ въ тоже время принялся было представить въ своей трагедіи „Вадимъ“ (впрочемъ не оконченной) типъ русскаго человѣка того направленія, которое отрицало въ древней Руси единоличную власть государя, въ трагедіи должна была быть представлена картина заговора славянскихъ племенъ противъ иноземнаго ига.

Примѣч. Такъ я понимаю это произведеніе Пушкина, хотя Анненковъ, полагаетъ видѣть въ немъ вліяніе либеральнаго вѣянія на Пушкина. Основаніемъ для подобнаго мнѣнія г. Анненкова послужило, вѣроятно, то обстоятельство, что маіоръ В. Ѳ. Раевскій, посаженный въ Тираспольскую крѣпость за распространеніе въ стоявшей въ Кишиневѣ 16-ой дивизіи вредныхъ тенденцій, прислалъ Пушкину лирическое стихотвореніе „Пѣвецъ въ темницѣ“, въ которомъ говорится о Вадимѣ, Новгородѣ, Псковѣ и Маѳѣ Посадницѣ. Раевскій принадлежалъ къ масонской ложѣ, тогда какъ А. С. Пушкинъ остался внѣ вліянія масоновъ, такъ какъ считалъ масонство пустою мечтою, хотя и не чуждался общенія съ ними; въ его тетрадяхъ сохранилась картинка слѣдующаго содержанія: „Подъ сводами какого-то массивнаго строенія, которое слѣдуетъ принять за паперть церкви, передъ большимъ образомъ съ зажженной лампадой, стоятъ семь лицъ по порядку одинъ за другимъ, представляя изъ себя самое странное и дикое смѣшеніе національностей и характеровъ: именно тутъ собраны греческій монахъ (или болгарскій—прибавимъ отъ себя, такъ какъ костюмъ болгарскаго монаха нисколько не отличался да и теперь не отличается отъ костюма греческаго монаха),

молдаванскій бояринъ, бессарабскій мужикъ, католическій ксендзъ, якобинецъ въ фригійской шапкѣ и съ палкой въ рукѣ и проч. Внизу подпись: „12 апр. День Свѣтлаго Воскресенія, 1821 г.“ (Анненковъ, Пушкинъ въ александров. эпоху, стр. 200). Нахожденіе этой картинки въ бумагахъ А. С. Пушкина объясняется свидѣтельствомъ Липранди, автора „Записокъ“, что слѣдующій случай изъ масонской ложи въ Кишиневѣ очень забавлялъ нашего поэта: „На одно изъ засѣданій масонской ложи, имѣвшей названіе „Овидіевой“, которое приходилось въ день Пасхи и имѣло мѣсто въ подвалѣ какого-то каменнаго дома, явился болгарскій архимандритъ, пожелавшій сдѣлаться братомъ-каменьщикомъ. Слѣдуя обычному церемоніалу пріема новыхъ членовъ, онъ спустился въ подвалъ съ завязанными глазами, ведомый подъ руки; но собравшіеся у рѣшетки дома его соотечественники — болгаре, полагая, что ихъ духовный пастырь попалъ въ западню и подвергается опасности, бросились за нимъ въ подвалъ и торжественно вывели его на Божій свѣтъ, и тутъ же принимали отъ него благословеніе“ (Анненковъ, ор. c. ib.). Затѣмъ, въ экспромптѣ А. С. Пушкина къ главному управителю упомянутой масонской ложи бригадному генералу П. Е. Пущину замѣтенъ ироническій характеръ; послѣдніе стихи его таковы:

«Хвалю тебя, о вѣрный братъ,
О каменьщикъ почтенный!
О Кишиневъ, о темный градъ!
Ликуй—имъ просвѣщенный!»

III.

Изученіе русскаго общества привело А. С. Пушкина къ сознанію необходимости новаго истинно-національнаго направленія, вмѣсто возобладавшаго, было, въ русской литературѣ туманнаго романтизма, который въ упомянутой поэмѣ „Евгеній Онѣгинъ“ осужденъ самимъ поэтомъ слѣдующими мастерскими стихами:

«Владиміръ книгу закрываетъ,
Беретъ перо; его стихи,
Полны любовной чепухи,
Звучатъ и льются Ихъ читаетъ
Онъ вслухъ, въ лирическомъ жару,
Какъ Д* пьяной на пиру

XXI.

Стихи на случай сохранились;
Я ихъ имѣю; вотъ они;

«Куда, куда вы удалились,
Весны моей златые дни?
Что день грядущій мнѣ готовитъ?
Его мой взоръ напрасно ловитъ,
Въ глубокой мглѣ таится онъ
Нѣтъ нужды; правъ судьбы законъ
Паду ли я, стрѣлой пронзенный,
Иль мимо пролетитъ она,
Все благо: бдѣнія и сна
Приходитъ часъ опредѣленный;
Благословенъ и день заботъ.
Благословенъ и тьмы приходъ!

XXII.

Блеснетъ заутра лучь денницы
И загаратъ яркій день;
А я, быть можетъ, я гробницы
Сойду въ таинственную сѣнь,
И память юнаго поэта
Поглотитъ медленная Лета,
Забудетъ міръ меня: но ты
Придешь ли, дѣва красоты,
Слезу пролить надъ ранней урной
И думать: онъ меня любилъ,
Онъ мнѣ единой посвятилъ
Разсвѣтъ печальный жизни бурной!....
Сердечный другъ, желанный другъ,
Приди, приди: я твой супругъ!.. »

XXIII.

Такъ онъ писалъ *темно и вяло*
(Что романтизмомъ мы зовемъ,
Хоть романтизма тутъ ни мало
Не вижу я; да что намъ въ томъ?)»

Служеніе интересамъ общества — вотъ задача того новаго національнаго направленія, которое А. С. Пушкинъ рѣшилъ провести въ Русскую литературу, что̀ составило задачу его дѣятельности, по исполненіи тридцати лѣтъ его жизни:

«Уже ль мнѣ скоро тридцать лѣтъ?

XLV.

Такъ, полдень мой насталъ, и нужно
Мнѣ въ томъ сознаться, вижу я.
Но такъ и быть, простимся дружно.
О юность легкая моя!
Благодарю за наслажденья,
За грусть, за милыя мученья,
За шумъ, за бури, за пиры,
За всѣ, за всѣ твои дары;

Благодарю тебя Тобою,
Среди тревогъ и въ тишинѣ,
Я наслади'ся и вполнѣ:
Довольно! *Съ ясною душою*
Пускаюсь нынѣ въ новый путь
Отъ жизни прошлой отдохнуть.

XLVI

Дай оглянусь Простите жъ, сѣни,
Гдѣ дни мои те: ли въ глуши,
Исполненны страстей и лѣни
И сновъ задумчивой души
А ты, младое вдохновенье,
Волнуй мое воображенье
Дремоту сердца оживляй,
Въ мой уголъ чаще прилетай
Не дай остыть душѣ поэта,
Ожесточиться, очерстветь,
И окончъ окаменѣть
Въ мертвящемъ упоеньи свѣта,
Среди бездушныхъ гордецовъ,
Среди блистательныхъ глупцовъ,

XLVII

Среди лукавыхъ, малодушныхъ,
Шальныхъ, балованныхъ дѣтей,
Злодѣевъ и смѣшныхъ и скучныхъ,
Тупыхъ, привязчивыхъ судей,
Среди кокетокъ богомольныхъ,
Среди холоньевъ добровольныхъ,
Среди вседневныхъ, модныхъ сценъ
Учтивыхъ, ласковыхъ измѣнъ
Среди холодныхъ приговоровъ
Жестокосердой суеты,
Среди досадной пустоты.
Разсчетовъ, думъ и разговоровъ,
Въ семъ омутѣ, гдѣ съ вами я
Купаюсь, милыя друзья!»

Въ этомъ омутѣ дѣйствительной жизни — въ этомъ русскомъ обществѣ вращался нашъ геніальный поэтъ; все онъ принималъ близко къ сердцу; своею умственною дѣятельностью онъ выразилъ различныя стороны народнаго духа, выразилъ важный моментъ историческаго развитія русскаго народа, возбудивъ народное самосознаніе, сдѣлавъ литературу общимъ достояніемъ народа, которая съ теченьемъ времени сдѣлается и полнымъ выраженіемъ его самосознанія.

Какъ же смотрѣла тогдашняя русская критика на этого новаго реформатора Русской литературы?

Къ великому нашему удивленію, мы видимъ, что она признавала А. С. Пушкина творцомъ и представителемъ романтизма въ

Русской литературѣ, а настоящаго представителя русскаго романтизма Жуковскаго никто въ то время и не считалъ романтикомъ [1]). Мало того, были и такіе дѣятели, въ родѣ редактора „Сына Отечества“, которые утверждали, что романтизмъ начался съ Байрона [2]). Выходитъ, что тогда проповѣдывали то, чего хорошенько не знали и не понимали. Дѣло въ томъ, что въ то время съ понятіемъ о романтизмѣ соединялось понятіе о народности, которая, какъ видно изъ слѣдующей неоконченной замѣтки А. С. Пушкина, не вполнѣ хорошо и ясно была понята русскими писателями: „Съ нѣкотораго времени“—пишетъ онъ —„у насъ вошло въ обыкновеніе говорить о народности, жаловаться на отсутствіе народности; но никто не думалъ опредѣлить, что разумѣетъ онъ подъ словомъ народность.

„Одни изъ нашихъ критиковъ, кажется, полагаютъ, что народность состоитъ въ выборѣ предметовъ изъ отечественной исторіи. Другіе видятъ народность въ словахъ, оборотахъ, выраженіяхъ, т. е. радуются тому, что, изъясняясь по-Русски, употребляютъ русскія выраженія.

„Народность въ писателѣ есть достоинство, которое вполнѣ можетъ быть оцѣнено одними соотечественниками: для другихъ оно или не существуетъ, или даже можетъ показаться порокомъ. Ученый Нѣмецъ негодуетъ на учтивость героевъ Расина; Французъ смѣется, видя въ Кальдеронѣ — Коріона, вызывающаго на дуэль своего противника и проч. Все это однакожъ носитъ печать народности. Есть образъ мыслей и чувствованій; есть тьма обычаевъ, повѣрій и привычекъ, принадлежащихъ исключительно какому-нибудь народу. Климатъ, образъ жизни, вѣра даютъ каждому народу особенную физіономію, которая болѣе или менѣе отражается и въ поэзіи....“

[1]) Но князь П. А. Вяземскій въ статьѣ «Жуковскій— Пушкинъ. О новой піитикѣ басенъ» писалъ: «Въ Пушкинѣ ничего нѣтъ Жуковскаго; но между тѣмъ Пушкинъ есть *слѣдствіе* Жуковскаго. Поэзія перваго не дочь а наслѣдница поэзіи послѣдняго» (Москов. Телеграфъ 1825. Февраль, № 4). Точно также и П. А. Катенинъ (командиръ перваго батальона Преображенскаго полка) въ письмѣ, отъ 24 ноября 1825 г., выразился: «незабывай, что искренно любитъ и тебя и твое дарованіе *неромантикъ* Павелъ Катенинъ» (Рус. Арх. 1881. 147.). А. Пушкинъ раньше (1817 г.) отзывался о Катенинѣ: „онъ опоздалъ родиться и своимъ характеромъ и образомъ весь принадлежитъ 18 столѣтію“ (Письма А. С. Пушкина къ кн. П А. Вяземскому въ Рус. Ар. 1871. кн. I. стр. 116).

[2]) А Николай Алексѣевичъ Полевой (изъ купцовъ) въ своемъ «Телеграфѣ» постоянно и неуклонно высоко держалъ знамя въ защиту романтизма даже въ то время, какъ онъ потерялъ въ русской жизни свое прежнее значеніе.

Мысль эту А. С. Пушкинъ развилъ въ другихъ замѣткахъ (также не вполнѣ оконченныхъ): „Долго Россія“—пишетъ онъ въ другой замѣткѣ—„оставалась чуждою Европѣ. Великая эпоха возрожденія не имѣла на нее никакого вліянія, рыцарство неодушевило чистыми восторгами и благодѣтельное потрясеніе, произведенное Крестовыми походами, не отозвалось въ нравахъ. Но Россіи опредѣлено было высокое предназначеніе.... Ея необозримыя равнины поглотили силу Монголовъ и остановили ихъ нашествіе на самомъ краю Европы. Варвары, не осмѣлясь остановить у себя въ тылу порабощенную Русь, возвратились на степи своего востока. Образующееся просвѣщеніе было спасено растерзанной и издыхающей Россіей, а не Польшей, какъ еще недавно утверждали европейскіе журналы; но Европа въ отношеніи Россіи, всегда была столь же невѣжественна, какъ и неблагодарна. Духовенство, пощаженное удивительной смѣтливостію Татаръ, одно, въ теченіи двухъ мрачныхъ столѣтій, питало искру образованности. Въ безмолвіи монастырей иноки вели свою безпрерывную лѣтопись; архіереи въ посланіяхъ своихъ бесѣдовали съ Князьями и Боярами, утѣшая сердца въ тяжкія времена искушеній и безнадежности. Татаре не походили на Мавровъ. Они, завоевавъ Россію, не подарили ей ни Алгебры, ни Аристотеля: нѣсколько сказокъ и пѣсенъ, безпрестанно поновляемыхъ изустнымъ преданіемъ, сохранили драгоцѣнныя, полуизглаженныя черты народности и *Слово о Полку Игоревѣ* возвышается уединеннымъ памятникомъ въ пустынѣ нашей Словесности“ (Анн., Матеріалы, 262).

Такъ какъ русскій романтизмъ заботился о народности больше въ ея формѣ, чѣмъ въ сущности — идеѣ, то А. С. Пушкинъ не могъ не выставить и этого обстоятельства на видъ. Въ одной замѣткѣ по этому вопросу онъ такъ говоритъ: „Люди, одаренные талантами, будучи поражены *ничтожностью* французскаго стихотворства, думали, что скудость языка была тому виною и стали стараться пересоздать его по образцу древняго Греческаго. Образовалась новая школа, коей мнѣнія, цѣль и усилія напоминаютъ *школу нашихъ Славяно-руссовъ*, между коими также были люди съ дарованіями. Но труды Ронсара, Жоделя и Дюбелле остались тщетными. Языкъ отказался отъ исправленія, ему чуждаго и пошелъ опять своей дорогой. Наконецъ, пришелъ Малербъ, съ такой строгой справедливостію оцѣненный великимъ критикомъ Буало:

Enfin Malherbe vint et le premier en France
Fit sentir dans les vers une juste cadence...

Но Малербъ нынѣ забытъ подобно Ронсару. Сіи два таланта

истощили силы свои въ борепіи съ механизмомъ языка, въ усовершенствованіи стиха. Такова участь, ожидающая писателей, которые пекутся болѣе о наружныхъ формахъ слова, нежели о мысли— истинной жизни его, не зависящей отъ употребленія!“ (ib. 265).

А. С. Пушкинъ сильно возсталъ противъ русскаго романтизма, потому что въ исторіи русскаго народа онъ не имѣлъ основанія: онъ былъ явленіемъ не вполнѣ естественнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, романтизмъ— это поэзія средневѣковаго рыцарсва, каковаго въ Россіи не было. Современная А. С. Пушкину русская романтическая критика стала, подъ вліяніемъ возгорѣвшейся во Франціи борьбы между классицизмомъ и романтизмомъ, въ которой верхъ одержалъ послѣдній (во Франціи романтизмъ, сдѣлавшійся сначала противодѣйствіемъ идеямъ переворота, а затѣмъ нравственною поддержкою реставраціи, можно сказать, былъ попыткою возобновленія стараго, воскрешенія давно умершаго), сильно ратовать за романтизмъ въ русской литературѣ, въ которой онъ оказался аномаліей. Подобнаго рода направленіе не могло идти параллельно съ развитіемъ русскаго общества; намъ теперь понятно, почему русская романтическая критика оказалась совершенно отсталою въ роковую для нея эпоху тридцатыхъ годовъ: она провозгласила Марлинскаго первымъ писателемъ и его „повѣсти“—геніальными твореніями, а въ выходившихъ одновременно произведеніяхъ А. С. Пушкина усмотрѣла отсталость отъ вѣка, какъ равно и произведеніе Н. В. Гоголя „Вечера на хуторѣ....“ (1831—1832) встрѣтила бранью.

Очевидно, повторяю снова, эта критика не поняла, въ чемъ дѣло: ей было неизвѣстно, что возгорѣвшаяся во Франціи борьба классицизма съ романтизмомъ имѣла своею цѣлью добиться литературной свободы, чрезвычайно стѣсненной предписаніями писателей XVIII в.; а у насъ вся борьба романтиковъ съ классиками сводилась къ положенію, что о литературной дѣятельности Карамзина надлежитъ слѣдовать чужому мнѣнію, а не судить по собственному разумѣнію (см. Стихотворное посланіе князя П. А. Вяземскаго къ проф. Каченовскому въ „Сынѣ Отечества“ за 1821 г., которое во многихъ мѣстахъ представляетъ буквальный переводъ стихотворенія Вольтера „De l'Envie“) [1]), что вообще о писателѣ слѣдуетъ судить по табели о рангахъ.

Если романтическое направленіе принесло Русской литературѣ свою несомнѣнную пользу главнымъ образомъ доставленіемъ ей новаго содержанія и новыхъ болѣе свободныхъ формъ для его передачи; то все таки оно не могло долго въ ней продержаться по

[1]) А. Н Пыпинъ, Характеристика литер. мнѣній, 33,

той главнѣйшей причинѣ, что это новое содержаніе не имѣло никакого отношенія къ дѣйствительной жизни, ничего незаимствуя изъ общественной жизни. Однимъ словомъ, вся заслуга поэтической дѣятельности представителя русскаго романтизма—Жуковскаго сводится къ формальному развитію Русской литературы; ея воспитательное значеніе ограничилось распространеніемъ гуманныхъ идей и чувствъ, которыя, однако, не могли проникнуть надлежащимъ образомъ въ русское общество, вслѣдствіе равнодушнаго, если не враждебнаго его отношенія къ жизненнымъ интересамъ, такъ что упомянутый уже литераторъ-критикъ въ письмѣ къ А. С Пушкину нашелъ возможнымъ сказать слѣдующія слова о Жуковскомъ: „Къ несчастію, вліяніе его (Жуковскаго) на духъ нашей словесности было слишкомъ пагубно: мистицизмъ, которымъ проникнута большая часть его стихотвореній, мечтательность, неопредѣленность и какая-то туманность, которыя въ немъ иногда даже прелестны, растлили многихъ и много зла надѣлали. Зачѣмъ не продолжаетъ онъ дарить насъ прекрасными переводами своими изъ Байрона, Шиллера и другихъ великановъ чужеземныхъ? Это болѣе можетъ упрочить славу его“.

При такомъ взглядѣ А. С. Пушкина на народность въ литературѣ, онъ долженъ былъ показаться и романтикамъ и классикамъ литературнымъ еретикомъ. Намъ теперь совершенно понятно, почему А. С. Пушкинъ въ письмѣ къ В. П. Г—ву, составляющемъ отвѣтъ на замѣчанія относительно характера его „Кавказскаго плѣнника“ (1822 г.), писалъ: „Характеръ плѣнника неудаченъ; это доказываетъ, что *я негожусь въ герои романтическаго стихотворенія*. Я въ немъ хотѣлъ изобразить это равнодушіе къ жизни и къ ея наслажденіямъ, эту преждевременную старость души, которыя сдѣлались отличительными чертами молодежи XIX-го вѣка“. (Анн., Матеріалы.... стр. 97). Высказавъ этими словами легкую насмѣшку надъ романтиками, онъ слѣдующими словами въ письмѣ къ Н. И. Гнѣдичу: „люблю его (Кавказскаго плѣнника), самъ незная за что: въ немъ есть стихи моего сердца....“ (ib. 97) засвидѣтельствовалъ, что произведеніе это написано не въ духѣ романтиковъ; своихъ критиковъ-романтиковъ онъ нисколько не заботился задабривать, такъ какъ въ его головѣ вполнѣ созрѣлъ планъ своего новаго въ Русской литературѣ направленія, которое онъ еще до 1820 года въ стихотвореніи „Князю А. М. Горчакову“ инстинктивно назвалъ „*своимъ складомъ*“:

[«Я пѣть пустаго не умѣю
Высоко, тонко и хитро;
И въ лиру превращать не смѣю
Мое гусиное перо!

Нѣтъ, нѣтъ, любезный князь, не оду
Тебѣ намѣренъ посвятить;
Что прибыли соваться въ воду,
Сначала не спросившись броду.
И въ слѣдъ Державину парить?
Пишу своимъ я складомъ нынѣ
Кой-какъ стихи на именины!»],

которое сначала онъ думалъ было назвать „*истиннымъ романтизмомъ*“, такъ какъ не совсѣмъ уяснилъ себѣ понятіе романтизма [1]).

Литературная ересь А. С. Пушкина впослѣдствіи опредѣлилась еще полнѣе и яснѣе.

[1]) Вотъ его мнѣніе о *романтизмѣ*: «Наши критики не согласились еще въ ясномъ различіи между родами Классическимъ и Романтическимъ. Сбивчивымъ понятіемъ о семъ предметѣ обязаны мы Французскимъ журналистамъ, которые, обыкновенно, относятъ къ романтизму все, что имъ кажется ознаменованнымъ печатью мечтательности и Германскаго идеологизма или основаннымъ на предразсудкахъ и преданіяхъ простонародныхъ. Опредѣленіе самое неточное. Стихотвореніе можетъ являть всѣ эти признаки, а между тѣмъ принадлежать къ роду классическому. Къ сему роду должны относиться тѣ стихотворенія, коихъ *формы* извѣстны были Грекамъ и Римлянамъ, или коихъ образцы они намъ оставили. Если же вмѣсто формы стихотворенія, будемъ брать за основаніе только *духъ*, въ которомъ оно написано, то никогда не выпутаемся изъ опредѣленій. Гимнъ Пиндара духомъ своимъ конечно отличается отъ оды «Анакреона, сатира Ювенала отъ сатиры Горація, Освобожденный Іерусалимъ отъ Энеиды—всѣ они однакожъ принадлежатъ къ роду классическому. Какіе же роды стихотвореній должно отнести къ поэзіи романтической? Тѣ, которые не были извѣстны древнимъ и тѣ, въ коихъ прежнія формы измѣнились или замѣнены другими» (Анненковъ, Матеріалы... 112). Пушкинъ, такимъ образомъ, разницу между классицизмомъ и романтизмомъ полагалъ въ одной лишь *формѣ*, но не въ *духѣ*. Хотя опредѣленіе разницы между классицизмомъ и романтизмомъ и не поддалось А. С. Пушкину, но поэтическимъ чутьемъ онъ дошелъ до пониманія свободнаго проявленія творящаго духа въ области искусства, которое онъ ошибочно назвалъ «истиннымъ романтизмомъ». Такъ въ письмахъ по поводу «Бориса Годунова» онъ выражается: «Важная вещь! я написалъ трагедію и ею очень доволенъ, но страшно въ свѣтъ выдать—робкій вкусъ нашъ не стерпитъ истинаго *романтизма*... Сколько я ни читалъ о романтизмѣ — все не то“ (Матер. 113) Въ 1825 г. Пушкинъ подъ *романтизмомъ* понималъ жизнь безъ опредѣленныхъ правилъ, съ претензіями нагло-эффектнаго характера. Объ извѣстномъ тогда Якубовичѣ, стяжавшемъ громкую славу своими дуэлями, человѣкѣ, мало понимавшемъ себя и свое время, замѣчательномъ болтунѣ Пушкинъ въ письмѣ къ Бестужеву (Марлинскому), отъ 1825 г., изъ с. Михайловскаго выразился: «въ немъ много въ самомъ дѣлѣ романтизма».

Своимъ художническимъ чутьемъ онъ понялъ, что основаніе настоящей національной литературы кроется въ ея отношеніи къ дѣйствительности, ко всему происходящему вокругъ. Чтобы ввести эту свою съ точки зрѣнія отставшихъ отъ требованія времени его современниковъ ересь, ему слѣдовало стать неизмѣримо выше ихъ; необходимъ былъ крутой переломъ въ Русской литературѣ, какой, дѣйствительно, и произошелъ между 1831—35 годами, благодаря тому, что А. С. Пушкинъ исключительно посвятилъ себя служенію искусству въ настоящемъ значеніи этого слова, и въ поэтическихъ образахъ представлялъ свои безпристрастныя наблюденія надъ русскимъ обществомъ. Не безъ основанія онъ въ посвященіи своего „Евгенія Онѣгина“ П. А. Плетневу назвалъ его плодомъ:

«Безсонницъ, легкихъ вдохновеній,
Незрѣлыхъ и увядшихъ лѣтъ,
Ума холодныхъ наблюдений
И сердца горестныхъ замѣтъ» [1]).

Это служеніе искусству нашъ геніальный писатель проявилъ самымъ наглядымъ образомъ въ своей драмѣ „Борисъ Годуновъ“. Но какъ произведеніе вполнѣ художественное, оно, вслѣдствіе неразвитія русскаго общества, не было понято: даже поклонники Пушкина остались недовольны имъ. Современное А. С. Пушкину русское общество не могло понять того, что онъ въ этомъ произведеній приближался къ апогею своего величія; не нравилось это произведеніе русскому обществу, потому что А. С. Пушкинъ въ данномъ случаѣ оказался новаторомъ, вопреки симпатіямъ общества къ псевдо-классическимъ французскимъ образцамъ. По поводу изданія драмы „Борисъ Годуновъ“ А. С. Пушкинъ, между прочимъ, писалъ: „Воспитанные подъ вліяніемъ французской критики, Русскіе привыкли къ правиламъ, утвержденнымъ сею критикою и неохотно смотрятъ на все, что не подходитъ подъ ея закопы. *Нововведенія опасны и, кажется, ненужны*“.

Въ этихъ словахъ мы имѣемъ свидѣтельство, какъ А. С. Пушкинъ близко зналъ общественное настроеніе; онъ заранѣе угадалъ равнодушное отношеніе русскаго общества къ его лучшему произ-

---

[1]) Въ небольшомъ вступленіи къ I-ой главѣ «Евгенія Онѣгина» А. С. Пушкинъ отмѣтилъ: «Но да будетъ намъ позволено обратить вниманіе читателя на достоинства, рѣдкія въ сатирическомъ писателѣ: отсутствіе оскорбительной личности и наблюденіе строгой благопристойности въ шуточномъ описаніи нравовъ».

веденію, того общества, которое не имѣло надлежащаго образованія, которое было развращено системой патронажства въ литературномъ мірѣ, прекрасный образчикъ коего приведенъ Бѣлинскимъ со словъ одного изъ замѣчательнѣйшихъ поборниковъ романтизма: „Помню, какъ однажды, при мнѣ, въ обществѣ литераторовъ, читали стихи Пушкина „Къ морю“ (они тогда не были еще напечатаны и только что явились въ рукописи). Молодой человѣкъ, прочитавшій ихъ, застѣнчиво сказалъ, что это его произведеніе, и скромно просилъ совѣта, что̀ ему исправить, и вообще можно ли напечатать ихъ. Пошли толки! Одинъ говорилъ то, другой другое; мнимый авторъ все отмѣчалъ, записывалъ, выслушалъ рѣшительный приговоръ, что стихи *недурны*, но безъ исправленія печатать ихъ нельзя, и вдругъ объявилъ, что это стихи Пушкина! Вообразите, какіе длинные носы приросли къ носамъ всѣхъ совѣтниковъ!“ (Соч. IX. 241).

Какъ вполнѣ художественное произведеніе „Борисъ Годуновъ“, такъ и „Евгеній Онѣгинъ“ написаны геніальнымъ русскимъ писателемъ въ разгарѣ полемики съ его литературными противниками. Изученіе постепеннаго развитія этихъ произведеній, подъ вліяніемъ самой этой полемики, даетъ очень важный матеріалъ для объясненія нравовъ и понятій тогдашней эпохи.

Вотъ, между прочимъ, какъ авторъ (женщина) статьи на французскомъ языкѣ (въ одномъ фращузскомъ журналѣ) „О нынѣшнемъ состояніи Русской Литературы“ (за 1830 г.) характеризуетъ русское общество: „Общественное состояніе представляетъ наблюдателю значительную оригинальность.... Отличное воспитаніе дворянства, истинно патріархальные нравы народа представляютъ разительную противоположность; это можетъ доставить поэтамъ чрезвычайныя выгоды“ (Галатея, 1830 г. кн. 12, стр. 7). Къ сожалѣнію, слова эти оказываются пристрастными по отношенію къ дворянству; но что общественное состояніе, дѣйствительно, было очень оригинальное, видно, напр., изъ того, какъ одинъ критикъ въ 1830 году проповѣдывалъ, что „въ Россіи ad interim Литература не должна быть выраженіемъ общества, даже и мысли объ этомъ не должно влагать молодымъ писателямъ; иначе они всѣ наперерывъ начнутъ *выражать* общество, какое ни попало, и что изъ этого выйдетъ?“ (Галатея, ib. 198) [1]).

---

[1]) Нѣсколько ниже тотъже критикъ заявляетъ: «Истинный поэтъ, и вообще истинный литераторъ не долженъ идти за обществомъ, ни даже съ обществомъ наравнѣ, но долженъ опередить его и показывать

Понятно тогда, что, при такой степени умственнаго развитія русскаго общества, „Борисъ Годуновъ“, представляющій въ художественномъ видѣ симпатію къ достоинству и благородству предшествовавшихъ поколѣній, содѣйствовавшихъ прославленію и нравственному развитію дорогого всякому отечества, не могъ быть понятъ русскимъ обществомъ, и потому былъ принятъ холодно. Подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ отъ этого обстоятельства вылилась слѣдующая замѣтка А. С. Пушкина, обнародованная послѣ его смерти: „Образованный Французъ или Англичанинъ дорожитъ строкою стараго лѣтописца, въ которой упомянуто имя его предка, честнаго рыцаря, падшаго въ такой-то битвѣ, или въ такомъ-то году возвратившагося изъ Палестины; но Калмыки не имѣютъ ни дворянства, ни Исторіи. Только дикость и невѣжество не уважаютъ прошедшаго“....“ (Матеріалы, 148), въ связь съ которою можно поставить слѣдующія слова въ письмѣ Катенина къ А. Пушкину: „Меня недавно насмѣшилъ твой (яко-бы) отвѣтъ на желаніе одного извѣстнаго человѣка прочесть твою трагедію Годуновъ—„*Трагедія эта не для дамъ, я ея не дамъ*““ (Рус. Арх. 1881. стр. 150).

Къ непонявшему его обществу онъ набросалъ затѣмъ на французскомъ языкѣ слѣдующія строки:

1) „Публика и критика, принявшія мои первые опыты съ живымъ снисхожденіемъ и притомъ въ такое время, когда строгость и недоброжелательство отвратили бы меня, вѣроятно, навсегда отъ поприща, мною избираемаго, заслуживаютъ полной моей признательности: они расплатились со мной совершенно Съ этой минуты ихъ строгость и равнодушіе уже не могутъ имѣть вліянія на труды мои“. Дальше:

2) „Представляюсь съ новыми пріемами въ созданіи. Не имѣя болѣе надобности заботиться о прославленіи неизвѣстнаго имени и первой своей молодости, я уже не смѣю надѣяться на снисхожденіе, съ которымъ былъ принятъ доселѣ. Я уже не ищу благосклонной улыбки моды. Добровольно выхожу я изъ ряда ея любимцевъ, принося ей глубокую мою благодарность за все то расположеніе, съ которымъ принимала она слабые мои опыты въ продолженіи 10 лѣтъ моей жизни“ (Матер. 150).

Современное А. С. Пушкину русское общество не поняло его

сму путь Всѣ великіе писатели были дѣйствующими лицами, а не страдательными, корифеями своихъ народовъ. Горе писателямъ, если не онъ на другихъ, а другіе на него имѣютъ рѣшительное вліяніе» (ор. с. стр. 199), **что противорѣчитъ его прежнимъ словамъ.**

заслугъ въ дѣлѣ развитія Русской литературы, въ дѣлѣ возведенія ея на степень воспитательницы общества. Тогдашнее русское общество не поняло А. С. Пушкина, быть можетъ, вслѣдствіе перемѣнчивости мнѣній и взглядовъ его, вслѣдствіе той перемѣнчивости, которая, однако, касалась не существа дѣла, а его побочныхъ сторонъ. Такая перемѣнчивость взгляда обязательна для всякаго мыслящаго человѣка, какъ высказался и самъ Пушкинъ: „Меня упрекаютъ въ измѣнчивости мнѣній. Можетъ быть: вѣдь, одни глупцы не перемѣняются“ (Матер. 159) [1]).

[1]) Да, по мѣрѣ того, какъ росъ талантъ А. С. Пушкина, измѣнялась въ тоже время и его точка зрѣнія на вещи. Въ письмѣ къ князю Вяземскому (1824 г.) онъ писалъ: «Читая твои критическія сочиненія и письма, я и самъ собрался съ мыслями и думаю на дняхъ написать кое-что о нашей бѣдной словесности, о вліяніи Ломоносова, Карамзина, Дмитріева и Жуковскаго. Авось и тисну. Тогда du choc des opinions jaillira de l'argent. Знаешь ли что? Твой разговоръ болѣе писанъ для Европы, чѣмъ для Руси. Ты правъ въ отношеніи романтической поэзіи. Но старая классическая, на которую ты нападаешь, полно существуетъ ли у насъ? Это еще вопросъ. Повторяю тебѣ передъ Евангеліемъ и святымъ причастіемъ, что Дмитріевъ, не смотря на все старое свое вліяніе, не имѣетъ, не долженъ имѣть болѣе вѣсу, чѣмъ Херасковъ или дядя В. Л. (Василій Львовичъ Пушкинъ). Развѣ онъ одинъ представляетъ въ себѣ классическую нашу словесность, какъ Мордвиновъ заключаетъ въ себѣ одномъ всю Рускую опозицію? И чѣмъ онъ классикъ? Гдѣ его трагедіи, поэмы дидактическія или эпическія? Развѣ классикъ въ посланіяхъ къ Сѣверинои (матери извѣстнаго дипломата, находившейся съ И. И. Дмитріевымъ въ дружескихъ отношеніяхъ), да въ эпиграммахъ, переведенныхъ изъ Гишара? — Мнѣнія *Вѣстн. Евр.* не можно почитать за мнѣнія; на *Благон.* сердиться невозможно. Гдѣ же враги романтической поэзіи? Гдѣ столбы классической?!» Въ полемическомъ письмѣ изъ села Михайловскаго, отъ 12 марта 1825 г. противъ статьи «Взглядъ на Русскую Литературу въ теченіи 1824 и въ началѣ 1825 г.», А. С. Пушкинъ, возражая на замѣчаніе *„у насъ есть критика и нѣтъ литературы“*, написалъ слѣдующія строки: «Гдѣ же ты это нашелъ? Именно критики у насъ и недостаетъ. Отселѣ репутація Ломоносова (уважаю въ немъ великаго человѣка, но конечно не великаго поэта: онъ понялъ истинный источникъ Русскаго языка и красоты онаго: вотъ его главная заслуга) и Хераскова, и если послѣдній упалъ въ общемъ мнѣніи, то вѣрно уже не отъ критики Мерзлякова. Кумиръ Державина $^1/_4$ золотой, $^3/_4$ свинцовой, до-нынѣ еще не оцѣненъ. Ода «Къ Фелицѣ» стоитъ на ряду съ «Вельможей», ода «Богъ» съ одой «На смерть Мещерскаго», ода «Къ Зубову» не давно открыта. Княжнинъ безмятежно пользуется славою. Богдановичъ причисленъ къ великимъ поэтамъ, Дмитріевъ также. Мы

Рьяный поборникъ реформы въ Русской литературѣ, поборникъ перевоспитанія русскаго общества, А. С. Пушкинъ былъ понимаемъ немногими, но правда выдающимися представителями со-

---

не имѣемъ ни единаго комментарія, ни единой критической книги. Мы не знаемъ, что такое Крыловъ, Крыловъ, который стоитъ выше Лафонтена, какъ Державинъ выше Ж. Б. Руссо! Что же ты называешь критикою? «Вѣстникъ Европы» и «Благонамѣренный». Библіографическія извѣстія» Греча и Булгарина?... Но признайся, что это все не можетъ установить какого-нибудь мнѣнія въ публикѣ, не можетъ почесться уложеніемъ вкуса (у одного только народа критика предшествовала литературѣ—у Германцевъ—это въ примѣчаніи). Но гдѣ же критика? Нѣтъ, фразу твою можешь сказать наоборотъ: Литература кой-какая у насъ есть, а критики нѣтъ» (Матер. 160—161). Но затѣмъ въ письмѣ къ поэту барону Дельвигу (сохранившемся въ конвергѣ со штемпелемъ 8 іюня 1825 г.) А. С. Пушкинъ пишетъ: «Что дѣлаютъ мои *Разн. стих.*? Отъ Плетнева не получилъ ни одной строчки; что мой Онѣгинъ? Продается ли? По твоемъ отъѣздѣ *перечелъ я Державина всего* — и вотъ мое окончательное мнѣніе. Этотъ чудакъ не зналъ ни Русской грамоты, ни духа Русскаго языка (вотъ почему онъ ниже Ломоносова). Онъ не имѣлъ понятія ни о слогѣ, ни о гармоніи, ни даже о правилахъ стихосложенія вотъ почему онъ и долженъ бѣсить всякое разборчивое ухо. Онъ не только не выдерживаетъ *оды*, но не можетъ выдержать и строфы (исключая чего знаешь). Что же въ немъ? *Мысли, картины и движенія истинно поэтическія.* Читая его, кажется, читаешь дурной, вольной переводъ съ какого-то чуднаго подлинника.... Державинъ, со временемъ переведенный, изумитъ Европу, а изъ гордости народной не скажемъ всего, что мы знаемъ объ немъ. У Державина должно сохранить будетъ одъ восемь, да нѣсколько отрывковъ, а прочее сжечь. Геній его можно сравнить съ геніемъ С***. Жаль, что нашъ поэтъ слишкомъ часто кричалъ пѣтухомъ.... (Матер. 156—7). Впослѣдствіи, однако, А. С. Пушкинъ измѣнилъ свое мнѣніе о Державинѣ, когда внимательное изученіе русскихъ писателей показало ему, что оцѣнка старыхъ писателей, безъ знанія условій времени, положенія автора и его отношенія къ общему развитію эпохи, не можетъ быть основательною.

При этомъ, слѣдуетъ также замѣтить, что неблагопріятные отзывы А. С. Пушкина о писателяхъ вовсе не были условлены литературнымъ соперничествомъ. Напротивъ, «надо было» — замѣчаетъ его біографъ Анненковъ —«много оскорбленія для нравственнаго чувства и нападокъ на собственное призваніе Пушкина, чтобы сдѣлать его литературнымъ врагомъ (стр. 163); онъ всегда съ безкорыстіемъ, готовностію на совѣтъ ободрялъ всѣхъ дѣятелей на литературномъ поприщѣ (162). Когда вышли «Вечера на хуторѣ близъ Диканьки» Н. В. Гоголя, А. С. Пушкинъ отправилъ въ редакцію «Русскаго Инвалида» слѣдующее письмо: «Сейчасъ прочелъ *Вечера близъ Диканьки.* Они изумили меня. Вотъ настоящая весе-

временнаго ему общества. А. С. Грибоѣдовъ въ письмѣ къ Ѳ. В. Булгарину выразился о „Борисѣ Годуновѣ“: „Желалъ бы имѣть цѣлаго „Годунова“.... Въ первой сценѣ „Бориса“ мнѣ нравится Пименъ—старецъ“, и дальше прибавилъ: „а юноша Григорій говоритъ, какъ самъ авторъ, вовсе не языкомъ тѣхъ временъ“ (впрочемъ, послѣднія слова съ слова „юноша“ зачеркнуты карандашомъ въ подлинникѣ) (Рус. Стар. 1874 X. 291—292). Умный императоръ Николай Павловичъ, покровительствовавшій Пушкину точно также сочувственно отнесся къ „Борису Годунову“; Бенкендорфъ извѣщалъ Пушкина: „Государь, прочитавъ драму *Пушкина съ большимъ удовольствіемъ*, замѣтилъ лишь нѣкоторыя мѣста, требующія очищенія, и то, что цѣль была бы болѣе выполнена, если бы сочинитель передѣлалъ свою комедію въ историческій романъ, на подобіе романовъ Вальтера Скотта“ (Зап. о Пушкинѣ. Русс. Стар. 1874 X. стр. 696) [1]).

лость, искренняя, непринужденная, безъ жеманства, безъ чопорности. А мѣстами, какая поэзія, какая чувствительность? Все это такъ необыкновенно въ нашей литературѣ, что я доселѣ не образумился. Мнѣ сказывали, что когда издатель вошелъ въ типографію, гдѣ печатались *Вечера*, то наборщики начали прыскать и фыркать, зажимая ротъ рукою. Факторъ объяснилъ ихъ веселость, признавшись ему, что наборщики помирали со смѣху, набирая его книгу. Мольеръ и Фильдингъ, вѣроятно, были бы рады разсмѣшить своихъ наборщиковъ. Поздравляю публику съ истинно веселою книгою, а автору сердечно желаю дальнѣйшихъ успѣховъ. Срв. и письмо Гоголя къ Пушкину о томъ же.

Ради Бога возьмите его сторону, если журналисты, по своему обыкновенію, нападутъ на *неприличіе* его выраженій, на дурной тонъ и проч. Пора, пора намъ осмѣять *les précieuses ridicules* нашей Словесности, людей, толкующихъ вѣчно о прекрасныхъ читательницахъ, которыхъ у нихъ не бывало, о высшемъ обществѣ, куда ихъ не просятъ, и все это слогомъ камердинера профессора Тредьяковскаго!» Пушкинъ поощрялъ барона Розена и направлялъ его вдохновенія на лирическій родъ поэзіи; онъ восторженно встрѣтилъ переводъ Фауста въ стихахъ, сдѣланный Губеромъ и т. п. (Матеріалы. 164, 166).

[1]) Любопытно, какъ Пушкинъ отвѣчалъ (18 янв. 1831 г.) на вторичное заявленіе Бенкендорфа, что императоръ Николай Павловичъ съ особеннымъ удовольствіемъ прочелъ уже печатную драму «Борисъ Годуновъ»: «Съ чувствомъ глубочайшей благодарности удостоился я получить благосклонный отзывъ государя императора о моей исторической драмѣ. Писанный въ минувшее царствованіе «Борисъ Годуновъ» обязанъ своимъ появленіемъ не только частному покровительству, которымъ удостоилъ меня государь, но и свободѣ, смѣло дарованной монархомъ писателямъ русскимъ въ такое время и въ такихъ обстоятельствахъ, когда всякое

Оба эти представители русскаго общества поняли воспитательное значеніе Пушкина, того Пушкина, который самъ прошелъ тяжелую школу и въ ней самъ себя перевоспиталъ; въ письмѣ къ брату осенью 1824 г. онъ писалъ: „Знаешь ли мои занятія? До обѣда пишу записки, обѣдаю поздо, послѣ обѣда ѣзжу верхомъ, вечеромъ слушаю сказки *и вознаграждаю тѣмъ недостатки проклятаго своего воспитанія*“ (Матер. 121 сноска). По поводу изданія „Бахчисарайскаго фонтана“ онъ писалъ издателю: „Я не люблю видѣть въ гордомъ первобытномъ языкѣ слѣды европейскаго жеманства и французской утонченности; сила и простота болѣе пристали ему: проповѣдую изъ внутренняго убѣжденія, а по привычкѣ пишу иначе“ (ib. 106). Въ другомъ письмѣ по поводу „Бориса Годунова“ онъ писалъ: „Съ 1820 г., будучи удаленъ отъ Московскихъ и Петербургскихъ обществъ, я въ однихъ журналахъ могъ наблюдать направленіе нашей Словесности. Читая жаркіе споры о Романтизмѣ, я вообразилъ, что и въ самомъ дѣлѣ намъ наскучили правильность и совершенство классической древности и блѣдные, однообразные списки ея подражателей; что утомленный вкусъ требуетъ иныхъ, сильнѣйшихъ ощущеній и ищетъ ихъ въ мутныхъ, но кипящихъ источникахъ новой народной поэзіи. Мнѣ казалось, однако, довольно страннымъ, что младенческая наша Словесность, ни въ какомъ родѣ не представляющая никакихъ образцовъ, уже успѣла немногими опытами притупить вкусъ читающей публики; но, думалъ я, Французская Словесность, всѣмъ намъ съ младенчества и такъ коротко знакомая, вѣроятно, причиною сего явленія. Искренно признаюсь, что я воспитанъ въ страхѣ почтеннѣйшей публики и что не вижу никакого стыда угождать ей и слѣдовать духу времени. Это первое признаніе ведетъ къ другому, болѣе важному: такъ и быть, каюсь, что я въ литературѣ скептикъ (чтобъ не сказать хуже), и *что всѣ ея секты для меня равны*, представляя каждая свою выгодную и невыгодную сторону. Обряды и формы должны ли суевѣрно порабощать литературную совѣсть? Зачѣмъ писателю не повиноваться принятымъ обычаямъ въ словесности своего народа, какъ онъ повинуется законамъ своего языка? Онъ долженъ владѣть своимъ предметомъ, не смотря на затруднительность правилъ, какъ онъ обязанъ владѣть языкомъ, не смотря на грамматическія оковы“. (Матер. 145—146).

другое правительство старалось бы стѣснить и оковать книгопечатаніе. Позвольте мнѣ благодарить усердно и ваше высокопревосходительство, какъ голосъ высочайшаго благоволенія и какъ человѣка принимавшаго всегда во мнѣ столь снисходительное участіе» (Русс. Стар. 1874. X. 706).

IV.

Проницательный умъ А. С. Пушкина легко понималъ, почему современное ему русское общество многаго не понимало въ его созданіяхъ и вообще не понимало поставленной имъ задачи. Не даромъ онъ въ „Отвѣтѣ Анониму“ (И. А. Гульянову) 1830 г. писалъ:

Смѣшонъ, участія кто требуетъ у свѣта!
Холодная толпа взираетъ на поэта,
Какъ на заѣзжаго фигляра: если онъ
Глубоко выразитъ сердечный, тяжкій стонъ,
И выстраданный стихъ пронзительно-унылой
Ударитъ по сердцамъ съ невѣдомой силой —
Она въ ладони бьетъ и хвалитъ, иль порой
Неблагосклонною киваетъ головой.
Постигнетъ ли пѣвца незапное волненье
Утрата скорбная, изгнанье, заточенье —
«Тѣмъ лучше» говорятъ любители искусствъ
«Тѣмъ лучше!» наберетъ онъ новыхъ думъ и чувствъ
И намъ ихъ передастъ. Но счастіе поэта
Межъ ними не найдетъ сердечнаго привѣта.

Въ самомъ дѣлѣ, если на литературныхъ произведеніяхъ воспитывается общество, то отъ нихъ оно не должно быть отвращаемо бранью журналовъ, преслѣдующихъ свои своекорыстные интересы. Это рано сознавалъ нашъ геніальный поэтъ; онъ очень много хлопоталъ объ основаніи своего журнала. Въ письмѣ къ князю П. А. Вяземскому, отъ 1826 г. онъ писалъ: „Никогда порядочные литераторы вмѣстѣ у насъ ничего не произведутъ! Все въ одиночку. Полевой, Погодинъ, Сушковъ, Завальевскій, кто бы ни издавалъ журналъ все равно. Дѣло въ томъ, что намъ надо завладѣть однимъ журналомъ самовластно и единовластно. Мы слишкомъ лѣнивы, чтобъ переводить, выписывать, объявлять etc. etc. Это черная работа журнала; вотъ зачѣмъ и издатель существуетъ. Но онъ долженъ: 1) знать граматику Русскую, 2) писать со смысломъ, т. е. согласовать существит. съ прилагат. и связывать ихъ глаголомъ. А этого-то Полевой и не умѣетъ. Ради Христа, прочти первый параграфъ его извѣстія о смерти Румянцева и Ростопчина, и согласись со мной, что ему невозможно довѣрить изданія журнала, освященнаго нашими именами. Впрочемъ ничего не упало. Можетъ быть не Погодинъ, а я буду хозяинъ новаго журнала. Тогда, какъ ты хочешь, а Полевова ты пошлешь къ....“ (Рус. Арх. 1874. № 2). Когда въ 1826 г. образовался, не безъ вліянія Пушкина, журналъ „Московскій Вѣстникъ“ съ направленіемъ противнымъ существовавшимъ журналамъ и альманахамъ, Пушкинъ въ отвѣтномъ письмѣ Языкову на стихотвореніе этого „Тригорское“ писалъ: „Вы знаете по газетамъ, что я участвую въ

Московскомъ Вѣстникѣ, слѣдственно и вы также.... Непремѣнно будьте же нашъ“ (Матер. 174). И дальше. „Рады ли вы Журналу? Пора задушить Альманахи. Дельвигъ нашъ. Одинъ Вяземскій остался твердъ и вѣренъ Телеграфу — жаль, но что же дѣлать?“ (ib.).

Когда затѣмъ черезъ полгода издатель „Московскаго Вѣстника“ вздумалъ было прекратить изданіе и снова приступить къ изданію альманаха „Уранія“, А. С. Пушкинъ написалъ ему слѣдующія горячія слова: „Нѣтъ, вы не захотите марать себѣ рукъ альманашной грязью. У васъ *много накопилось статей, которыя не входятъ въ журналъ*; но какихъ же? Quod licet Uraniae, licet тѣмъ паче Вѣстнику; не только *licet,* но *decet. И другія причины.* Какія? Деньги. Деньги будутъ, будутъ. Ради Бога не покидайте Вѣстника; на будущій годъ обѣщаюсь вамъ *безусловно* дѣятельно участвовать въ его изданіи; для того разрываю непремѣнно всѣ связи съ альманашниками обѣихъ столицъ. Главная ошибка наша была въ томъ, что мы хотѣли быть слишкомъ дѣльными; стихотворная часть у насъ славная, проза, можетъ быть, еще лучше, но вотъ бѣда: въ ней слишкомъ мало вздору. Вѣдь вѣрно есть у васъ повѣсть для Уранiи? Давайте ее въ Вѣстникъ. Кстати о повѣстяхъ: онѣ должны быть непремѣнно существенной частью журнала, какъ моды у Телеграфа. У насъ не то, что въ Европѣ—повѣсти въ диковинку. Онѣ составили первоначальную славу Карамзина, у насъ про нихъ еще толкуютъ. Ваша индѣйская сказка: *Переправа* въ Европейскомъ журналѣ обратитъ общее вниманіе, какъ любопытное открытіе учености; у насъ тутъ видятъ просто повѣсть и важно находятъ ее глупою. Чувствуете разницу? Московскій Вѣстникъ, по моему безпристрастному, совѣстному мнѣнію—лучшій изъ Русскихъ журналовъ. Въ Телеграфѣ похвально ревностное трудолюбіе, а хороши однѣ статьи Вяземскаго; но за то за одну статью В. въ Телеграфѣ отдамъ три дѣльныхъ статьи Московскаго Вѣстника. Его критика, положимъ, несправедлива, но образъ его побочныхъ мыслей и ихъ выраженія—рѣзко оригинальны: онъ мыслитъ, сердитъ и заставляетъ мыслить и смѣяться. Важное достоинство, особенно для журналиста!... 31-ое августа (1827 г.). Михайловское“ (ib. 181—182).

Смыслъ этихъ словъ устраняетъ всякое подозрѣніе, будто А. С. Пушкинъ преслѣдовалъ исключительно личные корыстные интересы; онъ только стоялъ за то, что на общество можно вліять систематическимъ проведеніемъ полезныхъ идей, облагораживающихъ нравственную сторону человѣка. Имѣя свой органъ, легко отражать всякаго рода инсинуаціи, на которыя такъ щедры бываютъ литературные враги; только органъ съ постояннымъ опре-

дѣленнымъ направленіемъ можетъ вліять на общество: существовавшіе же до „Московскаго Вѣстника“ альманахи, журналы (въ томъ числѣ и всего болѣе согласующійся съ взглядомъ Пушкина „Московскій Телеграфъ“) служили органомъ для людей самыхъ противоположныхъ направленій, съ самыми противоположными взглядами на искусство, что̀ не могло не вліять вредно на воспитаніе русскаго общества; въ журналѣ „Московскій Телеграфъ“ А. С. Пушкинъ находилъ болѣе хлопотливости вокругъ современной науки, нежели изученія какой-либо части ея, онъ не видѣлъ въ немъ зрѣлаго обсужденія того предмета, о которомъ шла рѣчь (Матер. 182). А между тѣмъ, этотъ журналъ принялъ на себя обязанность покровителя въ области русской журналистики, давъ общій отъ имени всѣхъ журналовъ отвѣтъ [1]) на письмо князя Вяземскаго къ А. М. Т—ой, въ которомъ, между прочимъ, сказано: „*можно.... бы написать Обозрѣніе нравственнаго состоянія Литературы нашей*“ (Прибавленіе къ „Галатеѣ“ Аргусъ № 1, стр. 19 за 1830 г.). Такое обозрѣніе или отрывокъ изъ обозрѣнія нравственнаго состоянія Русской литературы этотъ же журналъ и не премишулъ дать. Вотъ оно: „Было время, когда Журналисты приступали къ изданію журналовъ съ умытыми руками и съ чистымъ сердцемъ. Довольно упомянуть о Карамзинѣ (какъ журналистѣ) и двухъ его преемникахъ; Публика конечно не забыла еще, какое благодѣтельное вліяніе имѣлъ на нашу Словесность Вѣстникъ Европы въ эпоху своего благоденствія: онъ былъ, такъ сказать, передателемъ образцовой прозы и стиховъ первыхъ изъ нашихъ писателей; по немъ молодые люди, посвящавшіе себя служенію музъ, учились и научились: онъ, смѣло можетъ сказать, былъ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, представителемъ нашей Словесности; въ немъ съ чувствомъ восторга (sic) и непзъяснимаго сердечнаго умиленія читывали мы первоначальныя произведенія дѣвственнаго нашего поэта В. А. Жуковскаго, изящно отработанныя стихи П. П. Дмитріева, геніальныя оды А. Ѳ. Мерзлякова, прекрасныя его лекціи, читанныя въ частномъ Лицеѣ, ученыя, образцовымъ слогомъ написанныя статьи М. Т. Каченовскаго и, чтобы докончить нѣсколькими словами, сладкозвучную прозу самаго безсмертнаго Н. М. Карамзина и лебединыя пѣсни Батюшкова“. (ib. 19—20).

Этимъ „обозрѣніемъ“, какъ видно, нарочно желали унизить Пушкина, который всего больше работалъ для Русской литературы, для перевоспитанія русскаго общества и къ тому времени уже

[1]) Противъ чего нѣкоторые журналы заявили протестъ, какъ «Галатея» за 1830 (2-ое прибав. «Аргусъ»).

многое сдѣлалъ, подорвавъ вѣру въ старыя традиціи, которыми жило большинство русскихъ литераторовъ и писателей.

Но какъ ни отказывала современная Пушкину русская критика его произведеніямъ въ достоинствѣ, они производили свое вліяніе на Русскую литературу, которую нѣкоторые изъ старыхъ ветерановъ признавали въ ту пору умиравшею. Вотъ, напр., что писалъ тотъ же „Аргусъ“ „Я самъ не Литераторъ, но принимаю живѣйшее участіе въ нашей Литературѣ, находящейся съ нѣкотораго времени въ болѣзненномъ состояніи; какой будетъ кризисъ: ad mortem, aut ad vitam, неизвѣстно. Можетъ быть, крѣпкая Русская натура одержитъ верхъ, чего всѣ благомыслящіе желаютъ; во всякомъ случаѣ нужно врачевство, и должность врачей въ этомъ случаѣ обязаны принять на себя Журналисты, какъ люди, которые ex professo наблюдаютъ за состояніемъ Литературы. *Вникните въ Литературу нашу; найдите корень ея болѣзни* [1]) и употребите по возможности дѣйствительныя средства“.... (ib. 18).

---

[1]) Что русская литература переживала въ то время кризисъ — не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Вотъ, что читаемъ въ «Полемической шуткѣ» Трилунаго, помѣщенной въ журн. «Галатея» за 1830, кн. 17).

«Мой другъ! что слава смертныхъ? — Дымъ!
Что въ нашемъ мірѣ постоянно?
— Ничто!.. Гдѣ Греція? Гдѣ Римъ?
А сколько царствъ въ дали вѣковъ туманной
На вѣкъ сокрылося отъ насъ
Пробьетъ послѣдній Русскихъ часъ,
И подъ развалиной печальной
Сатурна гимнъ раздастся погребальной,
И славныя дѣла переживетъ разсказъ! .
Но ты, о милосердный Боже,
Ихъ память сохрани отъ низкой клеветы,
Лелѣй надъ гробомъ ихъ поэзіи цвѣты!

Въ журнальномъ мірѣ точно то же
Все исчезаетъ, яко дымъ!
Одно явленіе стремится за другимъ,
Нахалъ выходитъ за нахаломъ,
Журналъ смѣняется журналомъ
И Альманахомъ Альманахъ!
Они шумятъ . шумятъ, какъ ураганъ въ лѣсахъ;
Но, отшумѣвъ.. покоятся въ гробахъ,
И не прерветъ ихъ сна Зоиловъ злой будильникъ!

(*Отирая рукавомъ слезы*).

Гдѣ *Трутень*? Гдѣ *Парнасскій Щепетильникъ*
Гдѣ ты, краса минувшихъ дней,
Трудолюбивый муравей?

Въ то время, какъ другіе собирались еще отыскивать корень болѣзни Русской литературы, А. С. Пушкинъ нашелъ средство для ея излеченія.

Правда, привлекши выдающіяся силы одного съ нимъ направленія въ сотрудники „Московскаго Вѣстника“, онъ, однако, не въ силахъ былъ упрочить его существованіе, прекратившееся въ

Гдѣ *кошелекъ* (пустой), гдѣ *Живописецъ* (скромный)?
Гдѣ *Что нибудь?* *Журналъ для милыхъ* (томный)?
Вечерняя заря? *Духовный* (скучный) *годъ?*
Гдѣ *Виноградъ* растущій (безъ похмѣлья)?
Свѣтъ утренній? *Лекарство отъ заботъ,*
Россійскій Магазинъ и *Дѣло отъ бездѣлья?*
Гдѣ *Геній*? (Гречь его редакторъ былъ).
Увы! но сгнило все. и даже Геній сгнилъ!
И *Сынъ Отечества*, въ своемъ припадкѣ, бурномъ,
Уже едва дыша, сражается съ Сатурномъ!
Но скоро въ прахъ падетъ шумящій исполинъ,
И гордо на него наступитъ *Славянинъ*,
И пропоетъ надъ нимъ весь реквіемъ проклятій
И разсмѣшитъ толпу завистливыхъ собратій.
Лишь вѣрный *Телеграфъ*, судьбѣ наперекоръ,
Согрѣетъ хладный трупъ въ пылу своихъ объятій,
И дружеской слезой почтитъ усопшій вздоръ.
Вотъ каковы плоды журнальныхъ предпріятій!»

Будетъ не лишне привести также выдержку изъ ежедневной сцены-пьесы *„Какъ составляется журналъ“*, помѣщенной въ томъ же журналѣ за 1830 г. кн. 11: «Невѣрные слухи, но слухи, которые съ каждымъ днемъ становятся громче, повидимому предвѣщаютъ великую перемѣну, и произвели живѣйшее безпокойство. Факты собранные нами на счетъ сего необычайнаго обстоятельства, не приведены еще въ совершенную ясность.... и мы не можемъ еще снять покрова съ сей любопытной тайны.... Но предваренная можетъ быть.... Въ скоромъ времени мы оставимъ всѣ опасенія.... и ничто не помѣшаетъ намъ довести до свѣдѣнія публики... эту странную таинственность частной и общественной жизни.... Какъ бы ни было горестно это обнаруженіе для *многихъ благородныхъ, знаменитыхъ особъ*»... Эти слова напечатать курзивомъ» (стр. 137). По мнѣнію Бѣлинскаго (см. его «Николай Алексѣевичъ Полевой», 1846 г. стр. 7—8, 50, 52 и др.), повторенному академикомъ М. И. Сухомлиновымъ въ статьѣ «Н. А. Полевой и его журналъ «Московскій Телеграфъ»» (Истор. Вѣстн. 1886 г. апр. стр 40) лучшимъ журналомъ въ Россіи отъ начала журналистики былъ Московскій Телеграфъ, пріостановленный 3 апр. 1834 г.; по словамъ Бѣлинскаго, три человѣка «имѣли сильное вліяніе на русскую литературу въ три различныя эпохи ея историческаго существованія. Эти люди были — Ломоносовъ, Карамзинъ и Полевой». Но подобный взглядъ Бѣлинскаго противорѣчитъ его взгляду на заслуги А. С. Пушкина.

1830 году [1]). Какъ А. С. Пушкинъ, такъ и его друзья: В. А. Жуковскій, П. А. Катенинъ, А. А. Дельвигъ, Е. А. Баратынскій и И. А. Крыловъ снова очутились безъ своего органа. Но передъ трудностію Пушкинъ не останавливается; онъ тотчасъ же принимается за хлопоты объ основаніи другого органа, какимъ явилась „Литературная газета“ (редакторомъ выбираютъ А. А. Дельвига, пользовавшагося славою хорошаго и осторожнаго критика) [2]). Въ этомъ органѣ Пушкинъ ведетъ полемику съ послѣдователями противоположнаго направленія, возставшими вмѣстѣ съ Булгаринымъ и Бестужевымъ противъ желанія сотрудниковъ „Литературной газеты“ имѣть участіе въ дѣлахъ общества и литературы, находившейся подъ вліяніемъ такой критики, которая руководилась произволомъ и личными отношеніями къ писателямъ, которая такъ прекрасно изображена самимъ Пушкинымъ въ слѣдующей эпиграммѣ, напоминающей шутку Пелиссона „Les trois sourds“:

«Глухой глухова звалъ къ суду судьи глухова.
Глухой кричалъ: «моя имъ сведена корова.»
— «Помилуй», возопилъ глухой тому въ отвѣтъ,
Сей пустошью владѣлъ еще покойный дѣдъ.»—
Судья рѣшилъ: «Почто идти вамъ братъ на брата?
Не тотъ и не другой, а дѣвка виновата!»

А равно и въ письмѣ къ М. М. Погодину, отъ 1832 г., по поводу критики на произведеніе сего „Марфа Посадница“, онъ о русской критикѣ сказалъ слѣдующія вѣскія слова: *„у насъ критика ниже даже и публики, не только самой литературы;* сердиться на нее можно, но довѣрять ей въ чемъ бы то ни было—непростительная слабость“ (Матер. 304) А. С. Пушкинъ имѣлъ основаніе такъ выражаться о русской критикѣ тридцатыхъ годовъ, такъ какъ держался того правила, что *„гдѣ нѣтъ любви къ искусству—тамъ нѣтъ и критики“* (ib. 256).

Въ своихъ полемическихъ статьяхъ А. С. Пушкинъ всего

---

[1]) Обращаемъ вниманіе на статью, касающуюся этого журнала «Разговоръ Бурскаго и Онѣгина» о новомъ переводѣ Гэера (Галатея, 1830, № 31).

[2]) А. С. Пушкинъ въ письмѣ къ князю П. А. Вяземскому, отъ 2 мая 1830 г, писалъ: «Дельвигъ въ самомъ дѣлѣ лѣнивъ, однакожъ его газета хороша; ты много оживилъ ее Поддерживай ее, покамѣстъ нѣтъ у насъ другой. Стыдно будетъ уступить поле Булгарину. Дѣло въ томъ, что чисто-литературной газеты у насъ быть не можетъ; должно принять въ союзницы или моду или политику. Соперничествовать съ Раичемъ и Шаликовымъ какъ-то совѣстно» (Рус. Арх. 1874, кн. 2. стр. 442).

энергичнѣе доказывалъ, что участіе его соратниковъ необходимо для поднятія строя жизни и уровня мысли въ государствѣ: онъ настаивалъ, что на всякую критику слѣдуетъ отвѣчать: „Нѣкоторые писатели — писалъ онъ—„ввели обыкновеніе, весьма вредное литературѣ: не отвѣчать на критики. Рѣдко кто изъ нихъ отзовется и подастъ голосъ, и то не за себя. Развѣ и впрямь они гнушаются своимъ братомъ—литераторомъ?.... Если они принадлежатъ хорошему обществу, какъ благовоспитанные и порядочные люди, то это статья особая и литературы не касается.... Одинъ писатель извинялся тѣмъ, что де съ нѣкоторыми людьми неприлично связываться человѣку, уважающему себя и общее мнѣніе, что разница де между споромъ и дракой, что наконецъ, никто де не въ правѣ требовать, чтобъ человѣкъ разговаривалъ, съ кѣмъ не хочетъ разговаривать. Все это не отговорка. Если уже ты пришелъ на *сходку*, то не прогнѣвайся—какова компанія, таковъ и разговоръ; если шалунъ швырнетъ въ тебя грязью, то смѣшно вызывать его биться на шпагахъ, а не поколотить его просто, а если ты будешь молчать съ человѣкомъ, который съ тобой заговариваетъ, то это съ твоей стороны обида и недостойная гордость“....

Рѣзкій тонъ этихъ полемическихъ и сатирическихъ статей Пушкина какъ въ „Литературной газетѣ“ (въ особенности статья „Avis aux lecteurs“), такъ и въ „Телескопѣ“ (за 1831 г. № 13 и 14, гдѣ онъ подписывался псевдонимомъ Ѳеофилактъ Косичкинъ), въ которыхъ видно сколько ума, столько же и негодованія, наконецъ, привелъ въ трепетъ его недоброжелателей. Они замолкли, сдѣлавъ замѣчанія. Журналъ „Галатея“ пропечаталъ, между прочимъ, слѣдующее: „Въ смѣси 45 нумера Литтературной Газеты“ напечатано avis aux lecteurs.—Зная, что число читателей этой газеты не велико, а потому это avis дѣйствительно для *немногихъ*, долгомъ почитаемъ обратить вниманіе нашихъ читателей на статью сію. Вотъ въ чемъ дѣло: какіе то рыцари круглаго стола, покрытые таинственностію временъ феодальныхъ, пишутъ, что Гг. Полевой, Гречъ и Булгаринъ *недобросовѣстно* вооружаются противу журнальной аристократіи, и въ немногихъ словахъ сказавъ, что

. . . наши предки Римъ спасли,

заключаютъ статью свою слѣдующими замѣчательными словами: „Эпиграммы демократическихъ писателей XVIII столѣтія (которыхъ впрочемъ ни въ какомъ отношеніи сравнивать съ нашими невозможно) приготовили крики: *аристократовъ къ фонарю!* и ничуть не забавные куплеты, съ припѣвомъ: „*Повѣсимъ ихъ, повѣсимъ!*“

„Вотъ до чего можетъ довести пристрастіе къ чему-то самыхъ образованныхъ Литераторовъ! Что хотѣли сказать здѣсь этимъ? Къ чести Господъ Издателей Литературной Газеты, думаемъ, что замѣчаніе это есть одна изъ тѣхъ недобрыхъ статей, которыя печатаются въ минуту гнѣва и *надолго остаются упреками Издателямъ*, которые и сами въ послѣдствіи чувствуютъ иногда необдуманность своего поступка. Если выходки нашихъ писателей, по словамъ самихъ же Издателей Литературной Газеты, дѣйствительно ни въ какомъ отношеніи нельзя сравнивать съ выходками демократическихъ писателей XVIII вѣка: то для чего же наводить такую мрачную тѣнь на нихъ, припоминая неистовыя крики французовъ?.... Благонамѣренно ли..... это? Литературныхъ отношеній здѣсь не видно. Можно ли что нибудь хуже этого сказать о человѣкѣ въ благоустроенномъ обществѣ? И это пишутъ или лучше дѣлаютъ Русскіе Литераторы!.....“

Хотя несочувствовавшіе А. С. Пушкину усмотрѣли въ этомъ его поступкѣ неблагонамѣренность и неблаговоспитанность, но въ дѣйствительности тутъ не видно ни того, ни другого. Послѣдствіемъ, однако, было прекращеніе „Литературной Газеты“.

Въ возобновленной затѣмъ въ скоромъ времени этой газетѣ, подъ редакціей Ореста Сомова, составителя неважныхъ „Обозрѣній Русской Словесности“ для альманаховъ, А. С. Пушкинъ не принялъ участія; онъ даже оставилъ незаконченными свои статьи для прежней „Литературной Газеты“, въ которыхъ теперь можно усматривать существенные черты его политической теоріи, его цѣльнаго ученія, составленнаго на глубокомъ изученіи русской исторіи и современнаго ему русскаго общества и отношеніи Европы къ Россіи.

Вотъ, одинъ отрывокъ изъ его программы изложенія своего ученія: „Что такое потомственное дворянство? — Сословіе народа высшее, т. е. награжденное большими преимуществами касательно собственности и частной свободы.—Кѣмъ?—Народомъ, или его представителями.—Съ какою цѣлью?—Съ цѣлью имѣть мощныхъ защитниковъ (народа), или близкихъ и непосредственныхъ къ властямъ представителей.—Какіе люди составляютъ сіе сословіе? Люди, которые имѣютъ время заниматься чужими дѣлами. Кто сіи люди? Отмѣнные по своему богатству или образу жизни.—Почему такъ? Богатство доставляетъ способъ не трудиться, а быть всегда готову по первому призову du souverain. Образъ жизни, т. е. неремесленный или земледѣльческій, ибо все сіе налагаетъ на работника или земледѣльца различные узы.—Почему такъ?—Земледѣлецъ зависитъ отъ земли, имъ обработанной, и болѣе всѣхъ неволенъ; ремесленникъ— отъ числа требователей торговыхъ, отъ мастеровъ и покупателей.—

Нужно ли для дворянства пріуготовительное воспитаніе?—Нужно. Чему учится дворянство? Независимости, храбрости, благородству, *чести* вообще.—Не суть ли сіи качества природныя? — Такъ, но образъ жизни можетъ ихъ развить, усилить или задушить.—Нужны ли они въ народѣ также, какъ, напримѣръ, трудолюбіе?—Нужны, и дворянство—la sauvegarde трудолюбиваго класса, которому некогда развивать сіи качества" (Анненковъ, Воспоминанія, 3, стр. 234).

Вникая въ смыслъ этихъ словъ, невольно вспоминается сочувственный отзывъ польскаго аристократическаго поэта Адама Мицкевича о политическомъ смыслѣ нашего геніальнаго поэта, и затѣмъ волей неволей приходится признать его питомцемъ эпохи Александра I Благословеннаго.

Но, по мѣрѣ развитія, выдвигались другія стороны политическаго ученія А. С. Пушкина, въ числѣ коихъ афоризмъ „*личныя достоинства выше знатности*" занимаетъ выдающееся мѣсто.

Изучая исторію императора Петра I Великаго, А. С. Пушкинъ понялъ, чего стоило великому преобразователю Россіи выдвинуть „*личныя достоинства*"; къ крутымъ его мѣрамъ онъ отнесся несочувственно и въ перепискѣ съ своими пріятелями называлъ Петра I личностью революціонною и даже восклицалъ: пора кончить революцію въ Россіи!"

Эта симпатія къ старымъ дворянскимъ родамъ вполнѣ естественна у Пушкина, потомка стараго боярскаго рода, въ виду потери передовымъ русскимъ сословіемъ средствъ къ служенію своему отечеству. Сожалѣніе объ этой потерѣ высказано Пушкинымъ въ „Мѣдномъ Всадникѣ" [1]). Но видѣть въ этомъ же произведеніи

---

[1]) **Вотъ, это мѣсто:**

Мнѣ жаль, что домы наши новы,
Что прибиваемъ мы на нихъ
Не льва съ мечемъ, не щитъ гербовый,
А рядъ лишь вывѣсокъ цвѣтныхъ.
Мнѣ жаль, что мы рукѣ наемной,
Ввѣряя чистый свой доходъ,
Съ трудомъ въ столицѣ круглый годъ
Влачимъ ярмо неволи темной
И что спасибо намъ за то,
Не скажетъ, кажется, никто..
Что не живемъ семьею дружной,
Въ довольствѣ, въ тишинѣ досужной,
Въ своихъ владѣньяхъ родовыхъ;
Что наши сёла, нужды ихъ
Намъ вовсе чужды; что науки
Пошли не въ прокъ намъ, что съ проста
Изъ баръ мы лѣземъ въ tiers—état,
Что будутъ нищи наши внуки;
Что Русскій вѣтреный бояринъ
Теряетъ грамоты царей,
Какъ старый сборъ календарей;
Что историческіе звуки
Намъ стали чужды...
Что нищи будутъ наши внуки....

Отрывокъ этотъ въ бумагахъ Пушкина имѣетъ и слѣдующее чтеніе:

Мнѣ жаль, что мы рукѣ наемной
Дозволя грабить свой доходъ,
Съ трудомъ яремъ заботы темной
Влачимъ въ столицѣ круглый годъ;
Что не живемъ, семьею дружной,
Въ довольствѣ, въ тишинѣ досужной,
Старѣя близъ могилъ родныхъ
Въ своихъ помѣстьяхъ родовыхъ,
Гдѣ въ нашемъ теремѣ забытомъ
Растетъ пустынная трава *и т. д. какъ въ обще-извѣстномъ изданіи*
(по изд. въ Рус. Арх. 1881).

неблагопріятный взглядъ Пушкина на петровскую реформу вообще, рѣшительно невозможно. Напротивъ, общій смыслъ этого произведенія очень ясно говоритъ за то, что Пушкинъ благоговѣлъ и трепеталъ предъ тѣнью великаго русскаго преобразователя [1]). Не даромъ онъ сказалъ въ этомъ произведеніи:

(по исправленному Жуковскимъ чтенію.)

«Безумецъ бѣдный обошелъ
Кругомъ скалы съ тоскою дикой.
И надпись яркую прочелъ,
И сердце скорбію великой
Стѣснилось въ немъ. Его чело
Къ рѣшеткѣ хладной прилегло,
Глаза подернулись туманомъ...
По членамъ холодъ пробѣжалъ
И вздрогнулъ онъ —и мраченъ сталъ
Предъ дивнымъ Русскимъ Великаномъ
И перстъ свой на Него поднявъ,
Задумался ... Но вдругъ стремглавъ
Бѣжать пустился...
И во всю ночь, безумецъ бѣдный
Куда стѣны ни обращалъ,
За нимъ повсюду Всадникъ Мѣдный
Съ тяжелымъ топотомъ скакалъ....
И съ той поры, когда случалось
Идти той площадью ему,
Въ его лицѣ изображалось
Смятенье: къ сердцу своему
Онъ прижималъ поспѣшно руку,
Какъ бы его смиряя муку;
Картузъ изношенный сымалъ,
Смущенныхъ глазъ не подымалъ,
И шелъ сторонкой» [2]).

по рукописному чтенію:

«Кругомъ подножія кумира
Безумецъ бѣдный обошелъ
И взоры дикіе навелъ
На ликъ державца полуміра.
Стѣснилась грудь его. Его чело
Къ рѣшеткѣ хладной прилегло,
Глаза подернулись туманомъ.
По членамъ холодъ пробѣжалъ
Вскипѣла кровь. Онъ мрачно сталъ
Предъ горделивымъ истуканомъ [3])
И перстъ съ угрозою поднявъ,
Шепнулъ, волнуемъ мыслью черной:
Добро, строитель чудотворной,
Ужо тебѣ»!... и вдругъ стремглавъ
Бѣжать пустился Показалося
Ему, что страшнаго Царя,
Мгновенно гнѣвомъ возгоря,
Лицо тихонько обращалось
Къ нему. И онъ по площади пустой
Бѣжитъ и слышитъ за собой
Какъ будто грома грохотанье,
Тяжело-мѣрное (далеко - звонкое) скаканье
По потрясенной мостовой.
И видитъ —въ темнотѣ ночной,
Весь озаренъ луною блѣдной,
Простерши руку въ вышинѣ,
Вдали несется всадникъ мѣдной
На тяжко скачущемъ конѣ».

---

[1]) Чрезвычайно любопытно обстоятельство, подавшее Пушкину мысль написать поэму «Мѣдный Всадникъ» (См. Рус. Стар. 1874. X. 786); срв. также замѣтку А. Милюкова «Изъ записной тетради» въ «Сынѣ Отеч.» 1869. № 29).

[2]) Комментаріемъ могутъ служить слѣдующія строки «Полтавы» о Петрѣ I:

«Въ гражданствѣ сѣверной державы,
Въ ея воинственной судьбѣ
Лишь ты воздвигъ, герой Полтавы,
Огромный памятникъ себѣ» (II. 238).

[3]) Варіантъ:

Передъ великимъ истуканомъ,
И зубы стиснувъ, и пальцы сжавъ,
Какъ обуянный силой черной:
«Добро, строитель, чудотворной»!
Шепнулъ онъ, злобно задрожавъ.

Сердце Пушкина стѣснилось печалью, въ виду того его непригляднаго положенія, какое онъ нѣсколько выше въ этомъ же произведеніи нарисовалъ:

« . . . . Онъ (Евгеній) скоро свѣту
Сталъ чуждъ. Весь день бродилъ пѣшкомъ,
А спалъ на пристани; питался
Въ окошко поданнымъ кускомъ;
Одежда ветхая на немъ
Рвалась и тлѣла. Злыя дѣти
Бросали камни въ слѣдъ ему;
Нерѣдко кучерскія плети
Его стегали, потому
Что онъ не разбиралъ дороги
Ужъ никогда; казалось — онъ
Не примѣчалъ. Онъ оглушенъ
Былъ шумомъ внутренней тревоги.
И такъ онъ свой несчастный вѣкъ
Влачилъ—ни звѣрь, ни человѣкъ;
Ни то, ни се — ни житель свѣта,
Ни призракъ мертвой....»

Одушевленный желаніемъ сослужить службу своему отечеству перевоспитаніемъ русскаго общества, понимавшій глубокій смыслъ петровскихъ реформъ, столь прекрасно выраженный имъ въ слѣдующихъ стихахъ „Мѣднаго Всадника“:

«И въ семъ конѣ [1]) какой огонь,
Какая сила въ немъ сокрыта!
Куда ты мчишься, борзый конь,
И гдѣ опустишь ты копыта?
О мощный властелинъ судьбы!
Не такъ ли ты надъ самой бездной,
На высотѣ, уздой желѣзной
Россію вздернулъ на дыбы?....», [2])

Пушкинъ, тотъ Пушкинъ, который усидчивымъ трудомъ пріобрѣлъ

---

[1]) Олицетвореніе Россіи.

[2]) Въ Рус. Арх. 1881. напечатаны новые стихи «Мѣднаго Всадника» и новые варіанты. Данное мѣсто имѣетъ слѣдующія чтенія:

«Какая дума въ немъ сокрыта!
А въ звѣрѣ семъ какой огонь!
Куда вскакалъ ты, мѣдный конь,
И гдѣ опустишь ты копыта?
О мощный Царь, о мужъ судьбы!
Не такъ ли ты уздой желѣзной
На высотѣ, надъ самой бездной
Россію поднялъ на дыбы? ..

Какая сила въ немъ сокрыта!
А въ семъ конѣ какой огонь!
Куда ты скачешь, гордый конь,
И гдѣ опустишь ты копыта?
О мощный (властелинъ) баловень судьбы!
Не такъ ли ты скакалъ надъ бездной,
(На высотѣ) И осадивъ уздой желѣзной
Россію поднялъ на дыбы.

независимость и честь (1-ая ч. „Мѣднаго Всадника“), который въ 1833 г. въ одномъ письмѣ въ Москву заявлялъ: „заботы о жизни мѣшаютъ мнѣ скучать, но нѣтъ у меня досуга..... необходимаго для писателя.... Кручусь въ свѣтѣ.... все это требуетъ денегъ: деньги достаются черезъ труды, а труды требуютъ уединенія“ (Матер. 161), испыталъ въ своей дѣятельности столько непріятностей, столь поразительное невниманіе къ нему современнаго ему русскаго общества, что и въ самомъ дѣлѣ могъ сказать о себѣ *„ни житель свѣта, ни призракъ мертвой“*. Онъ не можетъ избавиться отъ горькаго чувства, оставленнаго ему журналистикой и пересудами публики. Въ отвѣтѣ на извѣщеніе одного изъ его друзей о новомъ разборѣ (въ 1831 г.) его произведенія „Борисъ Годуновъ“ онъ говоритъ: „Ты пишешь мнѣ о какомъ-то критическомъ разборѣ, котораго я еще не читалъ. Если бы ты читалъ наши журналы, то увидѣлъ бы, что все, что называется у насъ критикой, одинаково.... смѣшно. Съ моей стороны я отступился; возражать серьезно не возможно, а плясать передъ публикою не намѣренъ.... (21 іюля 1831 г.). Туже самую мысль Пушкинъ повторилъ въ письмѣ отъ 1834 г. (апрѣль): „Вообще пишу много про себя, а печатаю по неволѣ и единственно для денегъ: охота являться передъ *людьми*, которые васъ не понимаютъ, чтобы.... ругали васъ потомъ шесть мѣсяцевъ въ журналахъ. Было время—литература была благородное аристократическое поприще. Нынче это *иначе*. Быть такъ“ (Матер. 211).

Это свое разочарованіе онъ и излилъ въ „Мѣдномъ Всадникѣ“, появившемся въ 1833 г.; душа Пушкина всего больше тревожилась въ это время, когда съ одной стороны отставшая критика во главѣ съ Булгаринымъ привѣтствовала вышедшую въ 1832 г. третью часть его „стихотвореній“ словами: *„рѣшительное паденіе (chute complète“)*, когда съ другой стороны ему, какъ редактору альманаха „Сѣверные Цвѣты“ за 1832 г. пришлось выслушать строжайшій выговоръ отъ Бенкендорфа за стихотвореніе „Анчаръ“, не представленное имъ на просмотръ верховной цензуры; Бенкендорфъ упрекалъ Пушкина въ нарушеніи честнаго слова, въ обманѣ и неисполненіи принятыхъ на себя обязательствъ.

Эта непріятная для Пушкина исторія произвела на его впечатлительную душу столь сильное вліяніе, что онъ въ 1836 г., когда уже состоялъ редакторомъ „Современника“, съ какою-то особенною горечью вспоминалъ объ этомъ эпизодѣ съ упомянутымъ стихотвореніемъ: „Брюловъ сейчасъ отъ меня ѣдетъ въ П. Б., скрѣпя сердце; боится климата и неволи. Я стараюсь его утѣшить и ободрить; а, между тѣмъ, у меня у самого душа въ пятки уходитъ, какъ вспомню, что я журналистъ. *Будучи еще порядочнымъ человѣкомъ* (т. е. еще

необлеченнымъ формально въ званіе издателя политической газеты, какъ предполагалось сдѣлать въ 1832 г., послѣ опубликованія программы и условій подписки—объясненіе Анненкова), я получалъ уже полицейскіе выговоры, и мнѣ говорили: Vous avez trompé, и тому подобное. Что же теперь будетъ? Мордвиновъ будетъ на меня смотрѣть какъ на Ѳаддея Булгарина и Николая Полевова, какъ на шпіона; чортъ догадалъ меня родиться въ Россіи съ душою и съ талантомъ! Весело—нечего сказать!“ (Вѣстникъ Европы, 1878 г. мартъ, стр. 38) [1]).

Но какъ ни тяжела была работа русскаго геніальнаго писателя, какъ ни велики были ставимыя его врагами преграды, онъ все таки шелъ впередъ въ борьбѣ съ „литературными башкирцами“ (писателями принадлежавшими къ органамъ: „Сѣверная Пчела“, „Сынъ Отечества“, „Сѣверный Меркурій“ (съ 1829 г.) и „Сѣверная Звѣзда“ (съ 1831 г.). Образчикомъ его борьбы съ этими противниками можетъ служить извѣстный „разговоръ А съ В“, въ которомъ Пушкинъ категорически доказываетъ, что „Литературная Газета“ барона Дельвига не преслѣдовала никакихъ аристократическихъ и дворянскихъ цѣлей: „А. Ты стоишь за „Литературную Газету“. Давно-ль ты сдѣлался аристократомъ? Б. Какъ аристократомъ?—Что такое аристократъ!—А. Что такое аристократъ? О, да ты журналовъ не читаешь. Вотъ видишь ли: издатель „Литературной Газеты“ и сотрудники его, и читатели его—всѣ аристократы! Б. Воля твоя, я смысла тутъ не вижу. Будучи самъ литераторомъ, я читаю „Литературную Газету“, ибо мнѣ любопытно знать ея мнѣнія: мнѣ досадно видѣть въ ней иногда личности и колкости, отвѣты, возраженія, мелочную войну, которую не худо предоставить литературнымъ башкирцамъ; но никогда не видалъ я въ „Литературной Газетѣ“ ни дворянской спѣси, ни гоненія на прочія сословія. Дворяне ли баронъ Дельвигъ, князь Вяземскій, Пушкинъ, Баратынскій—мнѣ до этого и дѣла нѣтъ. Они объ этомъ не толкуютъ. Заступясь за грамотное купечество, въ лицѣ г. Полевого—они сдѣлали хорошо; заступясь нынѣ за просвѣщенное дворянство—они сдѣлали еще лучше..... А. Почему же статья „Литературной

---

[1]) **Съ этимъ откровеннымъ заявленіемъ Пушкина не вполнѣ, по нашему мнѣнію, согласуется замѣтка Н. И. Тарасенко-Отрѣшкова (см. Историч. Вѣстникъ 1886 г. Февр., издана Ѳ. А. Бычковымъ), отъ 1855 г., въ которой сообщается разговоръ его съ Пушкинымъ по поводу изданія политической газеты; можно заподозрить точность передачи этого разговора.**

Газеты“ показалась неблагонамѣренной многимъ? Б. Потому, что политическіе вопросы никогда не были у насъ разбираемы. Журналы наши, не нарочно наступивъ на одинъ изъ таковыхъ вопросовъ, сами испугались движенія, ими произведеннаго. Демократическіе наши журналы (въ прямомъ или переносномъ смыслѣ), нападая на дворянство, должны были найти отпоръ и нашли его въ „Газетѣ“. Все это естественно, даже утѣшительно, но, повторяю, вопросы политическіе для насъ еще новость“ (Анненкова, Воспоминанія, 3, стр. 231, 232.).

Изложенныя въ этомъ „разговорѣ“ мысли даютъ намъ ключъ къ пониманію дѣятельности Пушкина, какъ общественнаго воспитателя и разоблачаютъ злую интригу его литературныхъ враговъ, провозгласившихъ его „неблагонамѣреннымъ“ тотчасъ же за закрытіемъ „Литературной Газеты“.

Дальнѣйшая публицистическая дѣятельность Пушкина точно также доказала, насколько онъ былъ истинный русскій патріотъ.

Поднявшійся въ 1831 г. польскій вопросъ застигъ русское общество въ расплохъ; европейская литература и общество приняли сторону Поляковъ, русская же литература безмолствовала, такъ какъ не знала, что слѣдуетъ сказать; русское общество толковало о нашихъ неудачахъ и ошибкахъ въ нашей польской компаніи, но вѣрныхъ свѣдѣній оно ни откуда не получало.

Пушкинъ въ то время—уже женатый человѣкъ (съ 18 февр. 1831 г.) находился въ Царскомъ селѣ, гдѣ очень сблизился съ Жуковскимъ; этотъ, благодаря своей близости ко двору, сообщалъ своему другу Пушкину болѣе подробныя свѣдѣнія о ходѣ польской компаніи и сущности столь неожиданно возникшаго польскаго вопроса. Тогда-то (5 августа) Пушкинъ написалъ свое стихотвореніе, представляющее первую въ русской литературѣ полемическую статью по польскому вопросу „Клеветникамъ Россіи“, которое затѣмъ, послѣ взятія Варшавы 27 авг. 1831 г., появилось въ особой брошюрѣ „На взятіе Варшавы“ вмѣстѣ съ другимъ его стихотвореніемъ „Бородинская годовщина“ и стихотвореніемъ Жуковскаго, написаннымъ по случаю этого событія.

Съ того времени императоръ Николай Павловичъ сталъ смотрѣть на Пушкина съ особеннымъ вниманіемъ: ему было дано понять, чтобы онъ избралъ сферу публичной дѣятельности на пользу государства и общества.

Давняя мысль Пушкина *сослужить службу отечеству и обществу* снова ожила; онъ снова подумываетъ объ основаніи своего органа и строчитъ слѣдующее черновое прошеніе: „У насъ періодическія изданія не суть представители различныхъ полити

ческихъ партій (которыя въ Россіи и не существуютъ), и правительству нѣтъ надобности имѣть свой оффиціальный журналъ; но тѣмъ не менѣе, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, *общее мнѣніе имѣетъ нужду быть управляемо*. Нынѣ, когда справедливое негодованіе и старая народная вражда, долго растравляемая завистью, соединила всѣхъ насъ противъ польскихъ мятежниковъ, озлобленная Европа нападаетъ покамѣсть не оружіемъ, но ежедневной бѣшеной клеветою. Конституціонныя правительства хотятъ мира, а молодыя поколѣнія, волнуемыя журналами, требуютъ войны.... Пускай позволятъ намъ, русскимъ писателямъ, отражать безстыдныя и невѣжественныя нападенія иностранныхъ газетъ". Въ подлинномъ прошеніи онъ нѣсколько измѣнилъ форму этого прошенія, сохранивъ однако, тотъ же самый смыслъ: „Если государю императору удобно будетъ употребить перо мое для политическихъ статей, то постараюсь съ точностію и съ усердіемъ исполнить волю его величества. Съ радостію взялся бы я за редакцію „политическаго и литературнаго журнала", то-есть такого, въ которомъ печатались бы политическія и заграничныя новости, около котораго соединилъ бы писателей съ дарованіями, и такимъ образомъ приблизилъ бы къ правительству людей полезныхъ, которые все еще дичатся, напрасно полагая его непріязненнымъ къ просвѣщенію"... (Анненк. Воспом. 3, 249).

Высказанныя здѣсь глубокія мысли Пушкина совпадаютъ съ патріотическими воззрѣніями его друга Жуковскаго въ запискѣ „*Подробный планъ ученія В. К. Наслѣдника*", въ которой читаемъ слѣдующія чрезвычайно замѣчательныя слова: „Уважай общее мнѣніе; оно часто бываетъ просвѣтителемъ монарха; оно вѣрнѣйшій помощникъ его... общее мнѣніе всегда на сторонѣ правосуднаго государя. Люби свободу, то-есть правосудіе.... свобода и порядокъ одно и тоже: любовь царя къ свободѣ утверждаетъ любовь къ повиновенію въ подданныхъ".

Но враги Пушкина не дозволили ему выполнить свой планъ изданія политическаго журнала, который, судя по мыслямъ, высказаннымъ въ критической статьѣ Пушкина о Радищевѣ, долженъ былъ доставлять обществу популярное ученіе и точное опредѣленіе государственной власти, который долженъ былъ ограждать честь русскаго ума и народнаго характера, участвовавшихъ въ образованіи русскаго государства, подвергшагося въ то время всевозможнымъ диффамаціямъ западнаго либерализма. Всѣ духовныя стремленія общества и его матеріальныя потребности собираются въ своемъ естественномъ хранилищѣ — правительствѣ; нѣтъ поэтому — училъ Пушкинъ — ни стыда, ни униженія безпрекословно подчиняться входящему въ нужды общества правительству, какой

бы формы оно ни было, а самодержавной по преимуществу [1]).

Такъ, окончательно сформировался политическій взглядъ Пушкина на государство, и на его составныя части: высшее сословіе и простой народъ!

Если онъ прежде училъ, что „наслѣдственныя преимущества высшихъ классовъ общества суть условія ихъ независимости, потому что въ противномъ случаѣ классы эти становятся наемниками и несутъ ихъ обязанности“, что „дворянство въ государствѣ кончается рабствомъ народа“ (Воспом. Анненкова, III. 235); то говорилъ это въ виду тогдашней участи русскаго простого народа—крѣпостного его состоянія, выходъ изъ коего онъ, однако, считалъ неизбѣжнымъ [2]).

---

[1]) **Н. В. Гоголь** слѣдующимъ образомъ передалъ мнѣніе Пушкина о самодержавной власти «Зачѣмъ нужно»—говорилъ онъ—«чтобы одинъ изъ насъ сталъ выше всѣхъ и даже выше самого закона? Затѣмъ, что законъ — дерево; въ законѣ слышитъ человѣкъ что-то жестокое и не братское. Съ однимъ буквальнымъ исполненіемъ закона далеко не уйдешь; нарушить же или не исполнить его никто изъ насъ не долженъ: для этого-то и нужна высшая милость, умягчающая законъ, которая можетъ явиться людямъ только въ одной полномощной власти. Государство безъ полномощнаго монарха — автоматъ: много, много, если оно достигнетъ того, до чего достигнули Соединенные Штаты. А что такое Соединенные Штаты? Мертвечина. Человѣкъ въ нихъ вывѣтрился до того, что и выѣденаго яйца не стоитъ. Государство безъ полномощнаго монарха то же, что оркестръ безъ капельмейстера: какъ ни хороши будь всѣ музыканты, но если нѣтъ среди нихъ одного такого, который-бы движеніемъ палочки всему подавалъ знакъ — никуда не пойдетъ концертъ. При немъ и мастерская скрипка не смѣетъ слишкомъ разгуляться на счетъ другихъ: блюдетъ онъ общій строй, всего оживитель, верховодецъ верховнаго согласія»! Какъ мѣтко выражался Пушкинъ! какъ понималъ онъ значеніе великихъ истинъ!» (Соч. Гоголя 4-ое изд. 1880. IV 600).

[2]) «Аристократія послѣ Петра» — писалъ А. С. Пушкинъ въ 1821 г.— «неоднократно замышляла ограничить самодержавіе; *къ счастію*, хитрость государей торжествовала надъ честолюбіемъ вельможъ и образъ правленія остался неприкосновеннымъ. Это спасло насъ отъ чудовищнаго феодализма и существованіе народа не отдѣлилось вѣчною чертою отъ существованія дворянъ. Если бы гордые замыслы Долгорукихъ и прочихъ совершились, то владѣльцы душъ, сильные своими правами, всѣми силами затруднили бы или даже уничтожили способы освобожденія людей крѣпостного состоянія, ограничили бы число дворянъ и заградили бы для прочихъ сословій путь къ достиженію должностей и почестей государственныхъ. Одно только страшное потрясеніе могло бы уничтожить въ Россіи закоренѣлое рабство; *нынѣ же* политическая наша свобода неразлучна съ освобожденіемъ крестьянъ: *желаніе лучшаго соединяетъ*

Объ же эти составныя части государства передъ единою верховною властію оказываются въ одинаковой роли „наемниковъ“, такъ какъ съ Петра I „личныя достоинства“ взяли первенство передъ наслѣдственными преимуществами:

«И передъ младшею столицей (*скажемъ словами «Мѣднаго Всадника»*)
Главой склонилася Москва,
Какъ передъ новою царицей
Порфирородная вдова» [1]).

Такъ понялъ Пушкинъ государственную тайну русскаго народа! Подъ ея вліяніемъ, въ „Моей Родословной“ онъ помѣстилъ слѣдующія строки:

«Подъ гербовой моей печатью
Я свитокъ граматъ сохранилъ;
Я не якшаюсь съ модною знатью
И крови спѣсь угомонилъ.
Я неизвѣстный стихотворецъ,
Я просто Пушкинъ—не Мусинъ,
Я самъ—большой—не царедворецъ:
Я граматѣй, я мѣщанинъ!»

Въ данномъ случаѣ сказалось вліяніе литературнаго общества

всѣ состоянія противъ общаго зла и твердое, мирное единодушіе можетъ скоро поставить насъ на ряду съ просвѣщенными народами Европы» (Анненкова, Пушкинъ въ александр. эпоху, стр. 158 — 159). Пушкинъ думалъ было написать комедію или драму, въ которой безобразіе крѣпостничества имѣло быть представлено въ позорномъ свѣтѣ (ib. стр. 160). Но достаточно прочесть его стихотвореніе „*Деревня*“ (Привѣтствую тебя, пустынный уголокъ), написанное въ 1819 г, чтобы убѣдиться, какимъ сильнымъ врагомъ крѣпостничества былъ Пушкинъ; самъ императоръ Александръ I очень сочувственно отнесся къ нему: когда кн. Васильчиковъ представилъ это стихотвореніе императору, этотъ, между прочимъ, замѣтилъ «Faites remercier Pouchkine des bons sentiments que ses vers inspirent» (Вѣстн. Евр. 1871 кн. 7).

[1]) Комментаріемъ служатъ и слѣдующіе стихи «Къ брату, въ Петербургъ изъ деревни»:

Петра не стало, государство
Шатнулось будто подъ грозой,
И усмиренное боярство.
Его могучею рукой,
Мятежной предалось надеждѣ:
Пусть будетъ вновь, что было прежде,
Долой кафтанъ кургузый; нѣтъ,
Примѣромъ намъ не будетъ Шведъ!

Не тутъ-то было Тѣнь Петрова
Стояла грозно средь вельможъ,
Что было, не возстало снова.
Россія двинулась впередъ:
Вѣтрила тѣжь средь тѣхъ же водъ.
(Рус. Арх. 1884. 199).

„Арзамасъ“, которое жило надеждами на обще-человѣческую, европейскую науку, какъ на лучшую исправительницу общественныхъ и государственныхъ недостатковъ, *жило вѣрою въ возможность соединенія коренныхъ основъ русской жизни и русскаго законодательства — монархизма и православія съ свободою лицъ, сословій и учрежденій.* Пушкинъ очень рано сдѣлался членомъ этого „общества“ и остался ему вѣренъ всю свою жизнь, хотя само „общество“ бездѣйствовало. Поэтому, совершенно правъ польскій поэтъ А. Мицкевичъ, сказавъ, что „Пушкинъ любилъ разсуждать о высокихъ религіозныхъ и общественныхъ вопросахъ, *о которыхъ и не снилось его соотечественникамъ*“ (Dzieła V).

Мы тутъ видимъ вѣрнаго члена общества „Арзамасъ“, который еще въ 1822 г. высказался, что „греческое вѣроисповѣданіе, отдѣльное отъ всѣхъ прочихъ, даетъ намъ особенный національный характеръ“ (Матер.), который, подъ тѣмъ же самымъ вліяніемъ, по возвращеніи своемъ изъ путешествія по Кавказу въ 1829 г., набросалъ и слѣдующія дополнительныя черты своего пониманія государственной тайны русскаго народа: „Что дѣлать съ черкесами? Есть средство болѣе сильное, болѣе нравственное, болѣе сообразное съ просвѣщеніемъ нашего вѣка: проповѣданіе Евангелія; но объ этомъ средствѣ Россія донынѣ и не подумала. Терпимость сама по себѣ вещь очень хорошая, но развѣ апостольство съ ней не совмѣстно? Развѣ истина дана намъ для того, чтобы скрывать ее подъ спудомъ? Мы окружены народами, пресмыкающимися въ мракѣ дѣтскихъ заблужденій, и никто еще изъ насъ и не думалъ препоясаться и идти съ миромъ и крестомъ къ бѣднымъ братіямъ, лишеннымъ донынѣ свѣта истиннаго. Кто изъ насъ мужъ вѣры и смиренія уподобится святымъ старцамъ, скитающимся по пустынямъ Азіи, Америки и Африки, въ рубищахъ, часто безъ обуви, крова и пищи, но оживленнымъ теплымъ усердіемъ? Какая награда ихъ ожидаетъ?—Обращеніе престарѣлаго рыбака, или странствующаго семейства дикихъ, или мальчика, а затѣмъ нужда, голодъ, мученическая смерть. Кажется, для нашей холодной лѣности легче, взамѣнъ слова живаго, вылизывать мертвыя буквы и посылать нѣмыя книги людямъ, незнающимъ грамоты, чѣмъ подвергаться трудамъ и опасностямъ по примѣру древнихъ апостоловъ и новѣйшихъ римско-католическихъ миссіонеровъ. Мы умѣемъ спокойно въ великолѣпныхъ храмахъ блестѣть велерѣчіемъ. Мы читаемъ свѣтскія книги и важно находимъ въ суетныхъ произведеніяхъ выраженія предосудительныя. Предвижу улыбку на многихъ устахъ. Многіе, сближая мои коллекціи стиховъ съ черкесскимъ негодованіемъ, подумаютъ, что не всякій имѣетъ право

говорить языкомъ высшей истины. Я не такого мнѣнія. Истина, какъ добро Мольера, тамъ и берется, гдѣ попадается. Кавказъ ожидаетъ христіанскихъ миссіонеровъ“ (Соч.).

V.

Благодаря дѣятельности Пушкина и Гоголя, Русская Литература вышла изъ состоянія юности, такъ что всякій появлявшійся затѣмъ новый талантъ оцѣнивался по его достоинствамъ. Причина тому ясная: самъ воспитатель русскаго общества А. С. Пушкинъ прошелъ и хорошую школу и университетъ; онъ самъ въ письмѣ къ Нащокину отъ 1834 г. выразился: „Говорятъ, что несчастіе хорошая школа; можетъ быть. Но счастіе есть лучшій университетъ. Оно довершаетъ воспитаніе души, способной къ доброму и прекрасному, какова твой, мой другъ, какова и моя, какъ тебѣ извѣстно....“ (Матер. 391).

Это счастіе А. С. Пушкинъ испыталъ на закатѣ своихъ дней, съ учрежденіемъ своего журнала „Современникъ“.

Такъ-то желаніе Пушкина—дать Русской литературѣ надлежащее значеніе, какъ воспитательницы общества, осуществилось не задолго до его смерти: онъ началъ изданіе журнала „Современникъ“, значеніе коего вполнѣ обстоятельно уяснено Н. В. Гоголемъ: „Современникъ“— писалъ онъ —„долженъ быть весь обращенъ къ прошлому и почти не имѣть другой цѣли, кромѣ воспоминанія Пушкина и собранія друзей вокругъ его могилы“ (Записки о жизни Гоголя I. 295). Въ другой статьѣ „Нѣсколько словъ о Пушкинѣ“ Гоголь еще яснѣе высказалъ свое мнѣніе о нашемъ національномъ поэтѣ: „Пушкинъ есть явленіе чрезвычайное и можетъ быть единственное явленіе русскаго духа, въ какомъ онъ можетъ быть явится чрезъ двѣсти лѣтъ“ (Полн. Собраніе соч. Н. В. Гоголя. Москва 1862 г. II стр. 103—109).

Этимъ отзывомъ Гоголя о Пушкинѣ мы всѣ дорожимъ. Говоритъ это писатель, появленіе коего въ Русской литературѣ условлено существованіемъ Пушкина: если бы Гоголь явился прежде Пушкина, онъ, несомнѣнно, не достигъ бы того выдающагося положенія, какое онъ занялъ въ Русской литературѣ и въ литературахъ европейскихъ. Мы должны знать, что образцовъ гоголевскихъ произведеній не было въ европейскихъ литературахъ; если Гоголь явился, благодаря требованіямъ времени, то къ созданію этихъ требованій способствовалъ Пушкинъ. Пушкинъ не могъ или не успѣлъ дать образцовъ гоголевскихъ произведеній, но все же далъ

мысль для „Ревизора“ и „Мертвыхъ Душъ“, которую уступилъ малороссу не совсѣмъ охотно; въ кругу своихъ домашнихъ говаривалъ онъ: „съ этимъ малороссомъ надо бытъ осторожнѣе; онъ обираетъ меня такъ, что и кричать нельзя“ (Анненк., Воспоминанія I, стр. 184). Слѣдующее письмо Гоголя къ Пушкину, отъ 7 окт. 1835 г., самымъ очевиднымъ образомъ говоритъ за вліяніе генія Пушкина на геній Гоголя:

«Рѣшаюсь писать къ вамъ самъ; просилъ прежде Наталью Николаевну, но до сихъ поръ не получилъ извѣстія. Пришлите, прошу васъ убѣдительно, если вы взяли съ собою, мою комедію, которой въ вашемъ кабинетѣ не находится и которую я принесъ вамъ для замѣчаній. Я сижу безъ денегъ и рѣшительно безъ всякихъ средствъ; мнѣ нужно давать се актерамъ на разъиграніе, что обыкновенно дѣлается по крайней мѣрѣ за два мѣсяца прежде. Сдѣлайте милость, пришлите скорѣе и сдѣлайте наскоро хоть сколько нибудь главныхъ замѣчаній.—Началъ писать Мертвыхъ Душъ. Сюжетъ растянулся на предлинный романъ и, кажется, будетъ сильно смѣшонъ. Но теперь остановилъ его на третьей главѣ. Ищу хорошаго ябедника, съ которымъ бы можно коротко сойтись. Мнѣ хочется въ этомъ романѣ показать хотя съ одного боку всю Русь.»

«Сдѣлайте милость, дайте какой нибудь сюжетъ, хоть какой нибудь смѣшной или несмѣшной, но Русской чисто анекдотъ. Рука дрожитъ написать тѣмъ временемъ комедію. Еслижъ сего не случится, то у меня пропадетъ даромъ время, и я не знаю, что дѣлать тогда съ моими обстоятельствами. Я кромѣ моего сквернаго жалованья университетскаго 600 рублей никакихъ не имѣю теперь мѣстъ. Сдѣлайте милость, дайте сюжетъ; духомъ будетъ комедія изъ пяти актовъ, и клянусь—куда смѣшнѣе Чорта. Ради Бога: умъ и желудокъ мои оба голодаютъ. И пришлите Женитьбу. Обнимаю васъ и цѣлую и желаю обнять скорѣе лично». *Вашъ Гоголь.*

Пушкинъ создалъ нѣкоторые образцы произведеній, которыми незамедлили воспользоваться его преемники. Тургеневъ, по образцу „Графа Нулина“ и „Домика въ Коломнѣ“ написалъ своего „Помѣщика“.

Пушкинъ первый въ 1827 г. поднялъ въ Россіи вопросъ объ охраненіи закономъ литературной собственности. По поводу самовольной перепечатки въ 1824 г. статскимъ совѣтникомъ Ольдекопомъ „Кавказскаго Плѣнника“, Пушкинъ 20 іюля 1827 г. подалъ жалобу Бенкендорфу, въ которой такъ выразился: „Осмѣливаюсь прибѣгнуть къ вашему покровительству, дабы и впредь оградить себя отъ подобныхъ покушеній на свою собственность“ (Зап. Русс. Стар. 1874. 700); а въ письмѣ, отъ 10 сентября 1827 г. къ томуже Бенкендорфу, которое служитъ отвѣтомъ на заявленіе Бенкендорфа, что „перепечатаніе „Кавказскаго плѣнника“,

вмѣстѣ съ переводомъ, послѣдовало съ дозволенія цензуры, которая имѣетъ на то свои правила; и что, впрочемъ, даже тамъ, гдѣ находятся положительные законы на счетъ перепечатанія книгъ, не возбраняется издавать переводы вмѣстѣ съ подлинниками“ (ib.), Пушкинъ написалъ слѣдующія строки: „Вы изволили весьма справедливо замѣтить, что и тамъ, гдѣ находятся положительные законы на счетъ перепечатанія книгъ, не возбраняется издавать переводы вмѣстѣ съ подлинниками. Но сіе относится только къ сочиненіямъ древнихъ или умершихъ писателей. Если же допустить у насъ, что переводъ даетъ право на перепечатаніе подлинника, то невозможно будетъ оградить литературную собственность отъ покушенія хищника. Повергая сіе мое мнѣніе на благоусмотрѣніе вашего превосходительства, полагаю, что въ составленіи постоянныхъ правилъ для обезпеченія литературной собственности, вопросъ о правѣ перепечатывать книгу при переводѣ, замѣчаніяхъ, или предисловіи, весьма важенъ“ (ib.).

Художникъ въ душѣ, Пушкинъ всегда по достоинству оцѣнивалъ всякое художественное произведеніе; онъ возславилъ Глинку за его оперу „Жизнь за Царя“ [1]).

Пушкинъ воздалъ должное женскому таланту: „Не смѣшно ли“ — отмѣтилъ онъ въ своихъ замѣткахъ —„почитать женщинъ, которыя такъ часто поражаютъ насъ быстротою понятія и тонкостію чувства и разума, существами низшими въ сравненіи съ нами? Это особенно странно въ Россіи, гдѣ царствовала Екатерина II, и гдѣ женщины вообще болѣе просвѣщены, болѣе читаютъ, болѣе слѣдуютъ за европейскимъ ходомъ вещей, нежели мы, гордые, Богъ вѣдаетъ почему?“ (Современникъ за 1837 г., VIII, стр. 227).

---

[1]) **Вотъ его произведеніе, на этотъ случай написанное 13 дек. 1836 г. на обѣдѣ у А. В. Всеволожскаго:**

Пушкинъ.

Пой въ восторгѣ, Русскій хоръ!
Вышла новая новинка!
Веселися Русь! Нашъ Глинка —
Ужъ не Глинка, ужъ не Глинка, а фарфоръ!

Князь Вяземскій.

За прекрасную новинку
Славить будетъ гласъ молвы
Нашего Орфея-Глинку—
Отъ Неглинной, отъ Неглинной — до Невы!

Жуковскій.

Въ честь толь славныя новинки
Грянь труба и барабанъ!
Выпьемъ за здоровье Глинки
Мы глинтвейну, глинтвейну—стаканъ!

Графъ Вельегорскій.

Слушая сію новинку
Зависть, злобой омрачась,
Пусть скрежещетъ; но ужъ Глинку
Затоптать, топтать, топтать не можетъ въ грязь!

Пушкинъ.

Пой въ восторгѣ Русскій хоръ!
Вышла новая новинка!
Веселися Русь! нашъ Глинка —
Ужъ не Глинка, ужъ не Глинка, а фарфоръ.

Закончивъ самовоспитаніе своей удивительной борьбой, Пушкинъ сдѣлалъ имъ же самимъ приведенную въ надлежащее положеніе Русскую литературу воспитательницей русскаго общества. Не даромъ онъ еще въ прошеніи о разрѣшеніи изданія имъ политической газеты (въ 1833 г.) съ великимъ сознаніемъ собственнаго достоинства замѣтилъ: „Могу сказать, что въ послѣднее пятилѣтіе царствованія покойнаго государя (Александра I) я имѣлъ на все сословіе литераторовъ гораздо болѣе вліянія, чѣмъ Министерство (Просвѣщенія), несмотря на неизмѣримое неравенство средствъ“. Пушкинъ въ данномъ случаѣ имѣлъ въ виду необыкновенное распространеніе въ русскомъ обществѣ слѣдовавшихъ за поэмою „Русланъ и Людмила“ поэмъ: „Кавказскій плѣнникъ“ и „Бахчисарайскій фонтанъ“, которыя просто поразили читающую публику своимъ неподдѣльнымъ языкомъ страсти, искренностію чувства и пыломъ молодого сердца.

Послѣдовавшее затѣмъ охлажденіе русскаго общества къ другимъ неизмѣримо лучшимъ его произведеніямъ нисколько не умаляетъ вѣрности мнѣнія самого Пушкина объ его заслугахъ, которыя навсегда увѣковѣчили его память въ сердцахъ русскаго народа, какъ своего генія, перваго своего поэта—художника въ полномъ и совершенномъ значеніи этого слова и перваго своего истиннаго педагога. Время— этотъ самый геніальный и самый безпристрастный критикъ по достоинству оцѣнило А. С. Пушкина.

Появленіе Пушкина оказывается слѣдствіемъ историческаго развитія русскаго народа, завершеніемъ поэтическихъ усилій, бывшихъ до него поэтовъ; начиная съ Ломоносова до Батюшкова и Жуковскаго были попытки сдѣлать Русскую литературу выразительницею общественнаго мнѣнія и вмѣстѣ съ тѣмъ упрочить за нею воспитательное значеніе. Геній Пушкина возвѣстилъ русскому обществу новую жизнь, зародышъ которой скрывался въ его прошедшемъ; разскрытый имъ въ живой органической связи новый міръ мыслей и формъ былъ враждебно встрѣченъ современнымъ ему обществомъ и только слѣдовавшимъ молодымъ поколѣніемъ былъ оцѣненъ по достоинству, оцѣненъ былъ потому, что творецъ его въ своей груди носилъ надежды, радости и горе всего русскаго народа потому, что, вслѣдствіе какой то непосредственной творческой способности вдохновенія, близкаго къ откровенію, онъ стремился къ одной своей завѣтной цѣли — народной пользѣ, истинѣ, и на этомъ основаніи сдѣлался властелиномъ своего времени.

Властелина, обыкновенно, не любятъ; а потому Пушкинъ, по необходимости, долженъ былъ стать въ разрѣзъ съ общественнымъ мнѣніемъ своихъ современниковъ.

Вникая въ смыслъ этой борьбы Пушкина съ современнымъ ему русскимъ обществомъ, можемъ, смѣло сказать, что утерянная значительная часть его „Записокъ“ занимательностію своего содержанія доставила бы не мало безсонныхъ ночей образованнымъ людямъ цѣлой Европы, а современныхъ намъ изслѣдователей научила бы безпристрастному объясненію какъ этой, такъ и всякой другой эпохи. А нужно замѣтить, что современные изслѣдователи во многомъ между собою не соглашаются въ своихъ взглядахъ на Пушкина. Причина этого несогласія, отчасти, въ томъ, что, вслѣдствіе утраты важной части „Записокъ“ Пушкина, мы лишены возможности надлежащимъ образомъ понимать нашу домашнюю исторію начала нынѣшняго столѣтія, которую мастерски могло изобразить геніальное перо Пушкина, начертавшее слѣдующее изрѣченіе: „лучшія и прочнѣйшія измѣненія суть тѣ, которыя происходятъ отъ улучшенія нравовъ, безъ всякихъ насильственныхъ потрясеній“ (Соч. IV, 250).

Но оставимъ изслѣдователей спорить между собою о степени важности дѣятельности Пушкина для русской жизни вообще и въ заключеніе пожелаемъ, чтобы слова Пушкина:

«Я памятникъ воздвигъ себѣ нерукотворный:
Къ нему не заростетъ народная тропа»

красовались на рукотворномъ памятникѣ въ Казани, гостемъ которой онъ былъ въ 1833 г. съ 6 по 10 сентября, чтобы его предсмертныя слова: „Мнѣ нужно, чтобы доброе мое имя и честь были неприкосновенны во всѣхъ углахъ Россіи, гдѣ мое имя извѣстно“ (Письмо князя А. П. Вяземскаго къ А. Я. Булгакову въ *Русск. Архивѣ*, 1879 г. II. стр. 250) привели, наконецъ, всѣхъ, безъ различія направленій, къ признанію слѣдующей истины:

(по исправл. Жуковскимъ тексту)	*(по подлинному тексту)*
«И долго буду тѣмъ народу я любезенъ, Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ, Что прелестью живой стиховъ я былъ полезенъ» И милость....	«И долго буду тѣмъ любезенъ я народу, Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ, Что въ мой жестокій вѣкъ возславилъ я свободу И милость къ падшимъ призывалъ»
(Соч. Пушк. III. 70).	(Р. Арх. 1881. 235) [1]).

[1]) Но таже строфа имѣетъ и иное чтеніе:

«И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
Что звуки новые для пѣсенъ я обрѣлъ,
Что въ мой жестокій вѣкъ возславилъ я свободу
И милосердіе воспѣлъ» (Р. Арх. 1880. ч. 2).

Пользу этого мы—внуки сознаемъ теперь. Наши потомки точно также будутъ воспитываться на Пушкинѣ — въ этой по истинѣ классической школѣ, въ которой „русскій духъ, Русью пахнетъ". Всякій русскій человѣкъ долженъ скорбѣть о преждевременной смерти своего воспитателя А. С. Пушкина, долженъ оплакивать не столько того Пушкина, котораго мы теперь знаемъ, сколько того Пушкина, котораго мы могли бы знать.

Причина его преждевременной смерти въ томъ, что онъ не нашелъ общаго трезваго взгляда на отношенія искусства къ жизни и жизни къ истинѣ; онъ умеръ въ борьбѣ со своими врагами, отрицавшими связь между жизнію и истиною:

«Погибъ поэтъ, невольникъ чести,
Палъ оклеветанный молвой
Съ свинцомъ въ груди и жаждой мести,
Поникнувъ гордой головой.
Не вынесла душа поэта
Позора мелочныхъ обидъ:
Возсталъ онъ противъ мнѣній свѣта
Одинъ, какъ прежде, и убитъ!
Убитъ!. Къ чему теперь рыданья,
Пустыхъ похвалъ ненужный хоръ
И жалкій лепетъ оправданья?
Судьбы свершился приговоръ.
Не вы ль сперва такъ долго гнали
Его безцѣнный, чудный даръ
И для потѣхи возбуждали
Чуть затаившійся пожаръ?
Что жъ! Веселитесь: онъ мученій
Послѣднихъ перенесть не могъ,
Угасъ, какъ свѣточь, дивный геній,
Угасъ торжественный вѣнокъ»
(«На смерть Пушкина» Лермонтова) [1]).

Погибъ онъ за свои правдивыя откровенныя слова своимъ недоброжелателямъ [2]):

---

[1]) Стихотвореніе это имѣетъ слѣдующій эпиграфъ, выброшенный издателями сочиненій Лермонтова, и появившійся въ печати въ 1887 г.

«Отмщенье, государь, отмщенье,
Паду къ ногамъ твоимъ:
Будь справедливъ и накажи убійцу,
Чтобъ казнь его въ позднѣйшіе вѣка
Твой правый судъ потомству возвѣстила,
Чтобъ видѣли злодѣи въ ней примѣръ».

[2]) Будетъ кстати привести мнѣніе князя П. А. Вяземскаго о толкахъ послѣ смерти А. С. Пушкина: «Многимъ казалось, мерещилось.... что ближніе Пушкина и подбитая ими какая-то партія оплакиваетъ въ немъ

[«Молчи, безсмысленный народъ,
Поденьщикъ, рабъ нужды, заботъ!
Несносенъ мнѣ твой ропотъ дерзкій
Ты червь земли, не сынъ небесъ»].

творца какихъ-то старинныхъ, дѣтскихъ его вольнодумныхъ стиховъ, о которыхъ самъ Пушкинъ не помнилъ, коими онъ не дорожилъ, ни онъ, ни друзья его, изъ коихъ многіе даже не имъ были писаны, а ему приписывались литературною полиціею, или полицейскою литературою нашею (ибо у насъ довольно и той, и другой). Отъ сего возникли разныя нелѣпыя толки, недобросовѣстныя сужденія, полоумныя опасенія между нѣкоторыми людьми и въ нѣкоторыхъ салонахъ высшаго общества, или, лучше сказать, презрительной coterie (кружка), въ такихъ людяхъ, у которыхъ ничего нѣтъ Русскаго ни въ умѣ, ни въ сердцѣ, которые Русскіе развѣ только Русскими деньгами, набивающими ихъ карманы и Русскими лентами, обвѣшивающими ихъ плеча. Для нихъ то, что было чистаго, симпатическаго Русскому чувству въ Пушкинѣ, не существовало. Русская исторія, Русская поэзія, Русская интелектуальная слава, все это для нихъ мертвая буква. Въ нихъ нѣтъ струнъ на всѣ эти священные, родные звуки. Они Пушкина знали по нѣкоторымъ недостаткамъ его, по неосторожнымъ вспышкамъ раздражительнаго ума, по нѣкоторымъ его стихотворнымъ шалостямъ, которыя подслушивала и собирала полиція, подобно ассенизаторамъ, которые только и знаютъ и богатыхъ и порядочныхъ людей, какъ по предмету, который изъ домовъ ихъ ночью вывозятъ они въ кадкахъ своихъ. Они видѣли въ Пушкинѣ политическое лицо. Нелѣпость! Вопервыхъ у насъ нѣтъ и быть не можетъ политическихъ лицъ; къ тому же Пушкинъ былъ просто поэтъ. Они ненавидѣли въ Пушкинѣ запѣвалу оппозиціи. Нелѣпость! У насъ нѣтъ и быть не можетъ оппозиціи, потому что оппозиціи не къ чему примѣнить..... Посвятить себя у насъ оппозиціи тоже, что сдѣлаться политическимъ трапистомъ; къ тому же Пушкинъ былъ душею преданъ Государю. Онъ любилъ его по личной благодарности, по влеченію чувства, любилъ характеръ его, Русское его чувство, царское молодечество. Тысячу разъ говорилъ онъ мнѣ о томъ. На мертваго лгать не буду, (даже въ оправданіе ему). Они видѣли въ Пушкинѣ либерала. Нелѣпость! Пушкинъ въ первой молодости могъ быть фрондёромъ. Въ первыхъ воспоминаніяхъ о современной эпохѣ молодости его, стихи его были отголоскомъ мнѣній тогдашней молодежи. Но и въ то время, смотрите въ одѣ его на свободу, что говоритъ онъ о убійцахъ. Въ подтвержденіе тому, 14 Декабря нашло его неприкосновеннымъ и оставило нетронутымъ. Въ послѣдніе годы и менѣе того Пушкинъ былъ либераломъ. Онъ былъ аристократомъ по чувству и убѣжденію. Въ іюльскую революцію онъ на сторонѣ Генриха V и остался на ней до конца, предавая посмѣянію и пороча новый порядокъ во Франціи. Въ Польскій мятежъ мы видѣли по стихамъ его, былъ ли онъ либералъ въ отношеніи къ Полякамъ и къ Французамъ Эти стихи—не торжественная ода на случай: они изліяніе

Да, погибъ А. С. Пушкинъ, по его собственному признанію, въ самомъ цвѣтѣ лѣтъ:

«Но не хочу, о други, умирать!
Я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать,
И вѣдаю, мнѣ будутъ наслажденья
Межъ горестей, заботъ и треволненья..
Порой опять гармоніей упьюсь,
Надъ вымысломъ слезами обольюсь
И можетъ быть на мой закатъ печальной
Блеснетъ любовь улыбкою прощальной!» [1])

Жизнь русскаго общества возбуждала въ немъ любопытство и интересъ.

чувствъ душевныхъ и мнѣній и убѣжденій, глубоко вкорененныхъ. Пушкинъ былъ противникъ свободы печатанія не только въ отношеніи къ Россіи, но признавалъ ее гибельнымъ зломъ вездѣ. Это все факты. Всего этого многіе не знали, или знать не хотѣли, и сдѣлали изъ Пушкина какое-то пугало, которымъ вздумали пугать послѣ смерти его... .

Вотъ тебѣ вмѣсто нѣсколькихъ словъ, которые собрался я написать, цѣлая біографія и некрологія Пушкина. Покажи мое письмо Баратынскому, Раевскому, Павлу Войновичу Нащокину, и всѣмъ тѣмъ, которымъ память Пушкина драгоцѣнна. Болѣе всего незабывайте, что Пушкинъ намъ всѣмъ друзьямъ своимъ, какъ истиннымъ душеприкащикамъ, завѣщалъ священную обязанность: оградить имя жены его отъ клеветы. Онъ жилъ и умеръ въ чувствѣ любви къ ней и въ убѣжденіи, что она невинна. (Рус. Арх. 1879. 2. стр. 251, 253).

[1]) Въ «Новомъ Времени», отъ 29 янв. 1887 г., напечатано, какъ неизвѣстное слѣдующее стихотвореніе Пушкина:

«О нѣтъ, мнѣ жизнь не надоѣла,
Я жить хочу, я жизнь люблю!
Душа не вовсе охладѣла,
Утратя молодость свою
Еще хранятся наслажденья
Для любопытства моего,
Для милыхъ сновъ воображенья,
Для чувствъ . . . . всего
Зачѣмъ . . . .
Могилу темную . . . .
Что въ смерти добраго?

Но, какъ видно, это черновой набросокъ помѣщеннаго у насъ въ текстѣ отрывка.

При этомъ слѣдующая замѣтка: «Оригиналъ этого неоконченнаго стихотворенія Пушкина мы получили изъ Парижа отъ А. Ѳ. Онѣгина, у котораго хранится и подлинникъ рукописи его. Г. Онѣгинъ обладаетъ нѣкоторыми рукописями Пушкина, перешедшими къ нему отъ Жуковскаго.

Но все же погибъ онъ послѣ того, какъ произвелъ переворотъ въ русской жизни и литературѣ; хотя люди противоположнаго лагеря тотчасъ же, по смерти нашего генія утверждали, что „свѣтъ скоро забудетъ Пушкина“ [1]), но онъ, какъ геніальный реформаторъ, явившійся не для разрушенія только стараго, но и для созданія новаго на развалинахъ стараго, это новое — реальное художество, чистую истину осуществилъ, а потому никогда и не будетъ забытъ русскимъ народомъ.

Казань.
29 янв. 1887 г.

Въ *дополненіе* къ сообщеннымъ выше свѣдѣніямъ о характерныхъ особенностяхъ Пушкина приводимъ слѣдующія мѣста изъ семейной хроники Павлищева, помѣщаемой въ „Историч. Вѣстн.“:

«Въ день своего рожденья, 26-го мая 1828 г., онъ въ написанномъ по этому случаю стихотвореніи: «Даръ напрасный» прямо скорбитъ, что живетъ на землѣ.

Прочитавъ моей матери эти послѣдніе стихи, дядя Александръ сказалъ: «Хуже горькой полыни напрокутило мнѣ житье на землѣ; нечего сказать, знаменитъ день рожденья, который вчера отпразднованъ. Родился въ маѣ, и вѣкъ буду маяться».

При этомъ Пушкинъ зарыдалъ.

Ольга Сергѣевна (сестра), тоже не могла удержаться отъ слезъ, и впослѣдствіи, при всякой, постигавшей ее невзгодѣ, вспоминала стихи брата, но на этотъ разъ возразила ему такъ, думая его утѣшить:

«Не будь бабой Александръ, перестань, полно плакать, а спрашивается изъ-за чего? Изъ какихъ нибудь пошлостей журнальной ракальи? Плюнь! Охота тебѣ te forger des idées noires? Эти идеи—больше ничего, какъ расплясавшіеся нервы».

Тамъ же читаемъ:

«Многимъ покажется очень страннымъ, что Пушкинъ, при своемъ умственномъ развитіи—Пушкинъ, который сомнѣвался особенно въ описываемую эпоху его жизни во многомъ такомъ, въ чемъ и сомнѣваться бы не слѣдовало, — придавалъ.... значеніе и феральнымъ днямъ, и встрѣчѣ съ попами и зайцами. Онъ также терпѣть не могъ подавать и принимать отъ знакомыхъ руку—въ особенности лѣвую—черезъ порогъ, не выносилъ ни числа тринадцати человѣкъ за столомъ, ни просыпанной невзначай на столъ соли, ни подачи ему за столомъ ножа.

---

[1]) Полевой, Очерки Русской Литературы. 1839 г. ч. I. стр. 211.

Почешется у него правый глазъ — ожидаетъ онъ въ теченіе сутокъ непріятностей. Встрѣтитъ ли, выйдя изъ дома, похороны — говоритъ «слава Богу! будетъ удача». Если же, находясь въ пути, увидитъ мѣсяцъ отъ себя не съ правой, а съ лѣвой стороны,—призадумается, и непремѣнно прочтетъ про себя «Отче нашъ», да три раза истово перекрестится».

Примѣч. Предваряемъ читателя, что мы не всегда отмѣчали № кн. Рус. Арх.